

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Х. А. и А. Х. МООРА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПОДОБЛАСТЯХ И РАЙОНАХ ПРИБАЛТИКИ

При обосновании понятия историко-культурных или историко-этнографических областей М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров в качестве одного из характерных примеров выделили Прибалтику¹.

Основываясь на собранных за последние годы Прибалтийской объединенной комплексной экспедицией и на накопленных ранее археологических, этнографических, антропологических и других материалах, с учетом особенностей местной географической среды, можно точнее наметить границы большой Прибалтийской историко-культурной области и ее подразделений, подобластей и районов, а одновременно также проследить, какие основные причины обусловили их образование.

Прибалтика является частью Восточноевропейской равнины, но на юге и юго-востоке этой области проходит возвышенность — так называемая Балтийская гряда, продолжение которой на северо-востоке образует Валдайская возвышенность. Для всей этой возвышенной полосы характерно обилие озер, многие из которых богаты рыбой. На севере к ней примыкает область больших озер — Чудского, Ильменского, Ладожского, Онежского и Белого, изрезанная также системами крупных рек — Великой, Ловати, Волхова и др. Благодаря всему этому территория, граничащая с востока и юго-востока с Прибалтикой, издревле отличалась весьма благоприятными условиями для развития рыбной ловли². В центральных частях Прибалтики имеются также возвышенности, которые представляют собой ее основные земледельческие районы. Приморская полоса, в особенности запад и север современной Эстонии, представляет собой низменность с малоплодородной почвой; это в значительной мере обусловлено тем, что данная местность в прошлом подверглась трансгрессиям либо приледниковых озер, либо Балтийского моря (рис. 1)³.

¹ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 3 сл. См. также: «Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка», под редакцией С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, М., 1957, стр. 41 сл.; С. А. Тараканова, Л. Н. Герентьева, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1956, № 2, стр. 3 сл.

² К. К. Орвику, Основные черты геологического развития территории Эстонской ССР в антропогеновом периоде, «Изв. АН Эст. ССР», 1955, стр. 233 сл.; Ю. Брнк, Физико-географическое районирование Эстонской ССР, «Изв. АН Эст. ССР», Серия обществ. наук, 1959, стр. 124 сл.

³ При составлении данной карты авторам оказал помощь академик АН Эст. ССР К. К. Орвику.

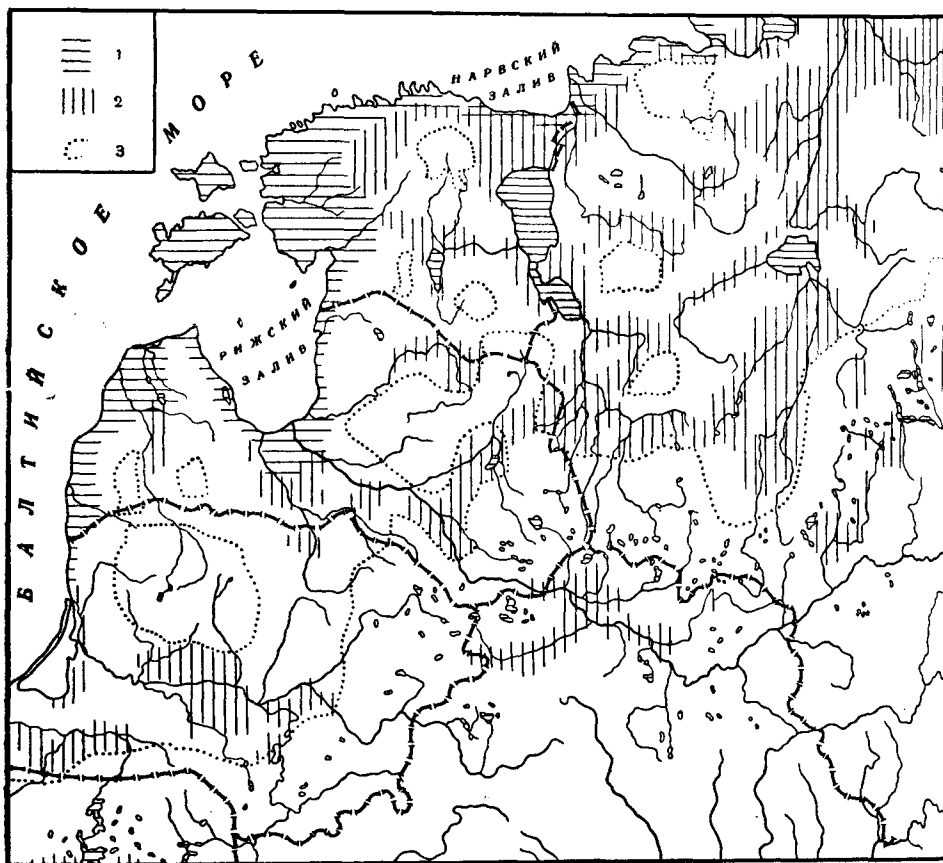

Рис. 1. Территории, подвергшиеся трансгрессиям Балтийского моря и приледниковых озер: 1 — трансгрессии Балтийского моря; 2 — приледниковые озера; 3 — высота 100 м и более над уровнем моря.

Известные различия мы можем отметить и в климате отдельных частей рассматриваемой области⁴. При сравнительно большой протяженности Прибалтики с юга на север естественно, что климат в северных частях ее холоднее, лето короче и зима длиннее, чем в южных. Безморозный период в Эстонии в среднем на три месяца короче, чем в Литве. В продолжительности вегетационного периода разница не столь велика, однако в центральной Эстонии, например, он на три недели короче, чем в центральной Литве. Все это означает, что условия для развития земледелия на севере Прибалтики были мало благоприятны. Как известно, Прибалтика расположена в переходной зоне от морского климата к континентальному, вследствие чего климат здесь становится более суровым при продвижении не только с юга на север, но и с запада на восток. Вегетационный период в восточных частях Эстонии, Латвии и Литвы на одну—две недели короче, чем в прибрежных районах.

Географическая среда, хотя и не может считаться определяющим фактором развития человеческого общества, является постоянным его условием. К особенностям географической среды человек должен бы

⁴ А. Лиллема, Почвы Эстонской ССР (на эстонском яз.), Таллин, 1958, стр. 117 (климатические условия); Б. И. Стыро, Ч. А. Гарбуляускас и А. И. Буз, Некоторые динамические характеристики климата Литовской ССР, «Научные сообщения Ин-та геологии и географии АН Лит.ССР», т. VII, Вильнюс, 1957, стр. 19 сл.

приспосабливать, в соответствии с развитием производительных сил в тот или другой период, добывание средств к жизни, и эти особенности оказывали либо ускоряющее, либо задерживающее влияние на развитие общества.

На возникновение местных особенностей в хозяйстве, культуре и образе жизни человека влияли не только такие значительные и резкие различия в географической среде, как разница в условиях жизни в горных и долинных районах, в степной и лесной полосе, черноземной и нечерноземной области, но и наблюдающиеся внутри этих больших географических областей локальные особенности.

Обусловленные ими до известной степени отличия в материальной культуре и быте населения разных районов Прибалтики можно заметить уже со времени позднего неолита, т. е. начиная с рубежа III и II тысячелетий до н. э., когда человек добывал себе средства к жизни охотой, рыбной ловлей и собирательством. Как установил Л. Ю. Янитс, орудия труда и керамика до некоторой степени различны в поселениях прибрежной полосы, с одной стороны, и в поселениях на востоке материковой части Прибалтики, с другой. Состав костей животных, определенных К. Л. Паавером, в двух исследованных Янитсом поздненеолитических поселениях — Лоона на западе острова Сааремаа и Тамула на юго-востоке Эстонии, — позволяет сделать некоторые заключения⁵ (см. прилагаемую таблицу).

Животные	Тамула (юго-восточная Эстония)		Лоона (о. Сааремаа)	
	Кости %	Особи %	Кости %	Особи %
Дикие животные:				
Лось	1319 39	68 23	— —	— —
Бобр	1339 39	82 27	— —	— —
Гур	165 5	20 7	— —	— —
Элагородный олень	31 1	11 4	— —	— —
Косуля	17 0,5	8 3	— —	— —
Кабан	227 8	24 8	270 21	24 22
Тюлень	— —	— —	935 72	54 49
Куница	120 4	27 9	13 1	8 7
Лисица	— —	— —	30 2	9 8
Заяц, медведь, выдра, барсук, рысь	103 3	35 11	— —	— —
Птицы	81 —	— —	56 —	— —
Рыбы	448 —	— —	2644 —	— —
Домашние животные:				
Свинья	2 0,1	1 0,3	30 2	9 8
Крупный рогатый скот	1 0,03	1 0,3	— —	— —
Собака	28 1	9 3	10 1	5 4

Как видим, в Тамула охотились преимущественно на лесного зверя, в первую очередь на лося, отчасти на тура, а также бобра; из других животных заслуживают упоминания кабан и куница. Не говоря о том, что в Лоона рыбных костей больше, чем в Тамула, и состав костей охотничьей добычи там иной. В поселении Лоона сильно преобладает тюлень, за ним следует кабан, но другие (характерные для материковых поселений) животные большей частью отсутствуют. Тот факт, что основную охотничью добычу на морском побережье составлял

⁵ Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР), Таллин, 1959, стр. 325 сл.

тюлень, а на материке — лесной зверь, означает существование в тот период на побережье и островах отличий в условиях охоты, ее сезонах, орудиях труда, одежде, способах освещения, короче говоря, во всем образе жизни.

В начале II тысячелетия до н. э. в Прибалтику проникли с юга и распространились до юго-западной Финляндии включительно племена культуры боевых топоров или шнуровой керамики — предполагаемые предки балтийских народов. Их хозяйство было основано в значительной степени на первобытном скотоводстве и земледелии, но и охота, и рыбная ловля продолжали у них играть существенную роль⁶. Их комплексное хозяйство, очевидно, выработалось где-то в южной части лесной полосы, где лесные охотники-рыболовы соприкасались со скотоводами степной зоны. Комплексный тип хозяйства дал им известные преимущества перед охотниками-рыболовами северной части лесной полосы и позволил далеко проникнуть в эту зону.

На севере они должны были приспособлять свое хозяйство и образ жизни к более суровым условиям и заимствовать от местного коренного населения некоторые необходимые навыки. В центральной и восточной частях материковой Прибалтики их хозяйство и быт приблизились к образу жизни охотников-рыболовов, а на побережье они переняли и промысел на тюленя. Последним, видимо, объясняется, в известной мере, обилие поселений культуры боевых топоров в зоне морского побережья Прибалтики. В типичном прибрежном поселении того периода — Ржучеве в приустье Вислы были найдены обломки гарпунов для охоты на тюленя. Материалы, обнаруженные в многочисленных поселениях ржучевского типа в Литве на Куршской косе, включают наряду с рыбьими костями и чешуей много костей тюленя, между тем как кости лесных животных представлены в меньшем количестве⁷. Очевидно, охота на тюленя занимала большое место также в экономике племен культуры боевых топоров в Финляндии, памятники которых в большом количестве встречаются вдоль побережья Финского и Ботнического заливов. Финский археолог К. Ф. Мейнандер наглядно показывает, как это население постепенно приближалось по своему хозяйству и образу жизни к коренным жителям, а позже и этнически слилось с последними⁸. То же явление можно проследить и в Эстонии. И только в южной части Прибалтики, где условия жизни были ближе к условиям исходной территории племен культуры боевых топоров и где, возможно, и позже продолжался отчасти приток этих племен с юга, они возобладали над местным населением и постепенно ассимилировали его.

В последнем тысячелетии до нашей эры в Прибалтике скотоводство и земледелие занимали уже большое место в хозяйстве, однако охота и рыбная ловля еще сохраняли свое значение. В костном материале, найденном в укрепленном поселении Асва, только пятая часть принадлежит лесным животным, а все остальное — домашним. Примерно такое же соотношение костей лесных и домашних животных характерно и для других памятников того же периода. Заметим, что в Асва среди

⁶ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР». Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта, М., 1956, стр. 112. Племена шнуровой керамики занимались, наряду с первобытным скотоводством и земледелием, охотой и рыбной ловлей даже в среднем Приднепровье (см. «Нариси стародавньої історії Української РСР», Київ, 1957, стр. 88).

⁷ J. Zúgnek, Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzućewie, pow. wejherowski, i kultura rzućewska, «Fontes Archaeologici Posnaniensis», vol. IV (1953), Poznań, 1954, стр. 23 сл.; «Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia», Hf. 19, Königsberg i. Pr. 1895, стр. 146 сл.; C. Engel, Vorgeschichte der altpreussischen Stämme, I, Königsberg Pr., 1935, стр. 174.

⁸ C. F. Meinander, Die Kiukaikultur, «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja», 53, Helsinki, 1954, стр. 172 сл.

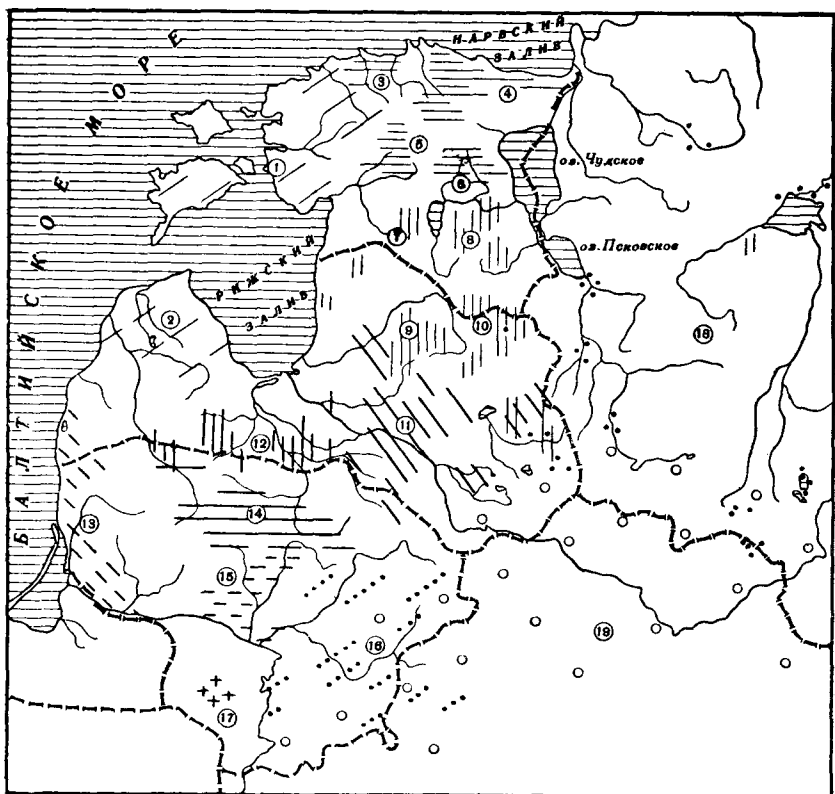

Рис. 2. Археологические культуры (культурные районы) Прибалтики в первой половине I тысячелетия н. э.

Культуры эсто-ливских племен: 1 — западноэстонская; 2 — курземско-ливская; 3 — таллинская; 4 — вирумаская; 5 — пайде-тюнская; 6 — среднеэстонская; 7 — сакалская; 8 — тартуская; 9 — койваская (гауяская); 10 — алуинская (алуксенская).

Культуры балтийских племен: 11 — латгальско-сельская; 12 — земгальская; 13 — куршская; 14 — северожемайтская; 15 — южножемайтская; 16 — аукштайтская; 17 — ятвяжско-судавская; 18 — восточные прибалтийско-финские; 19 — восточнобалтийские культуры

костей диких животных преобладает тюлень⁹; в городище Иру, расположенном рядом с Таллином, найдены такие же наконечники тюленьих гарпунов, как в Асва, и в костном материале тюлень также преобладает над другими дикими животными¹⁰. Следовательно, охотничьи интересы и здесь были направлены в сторону моря.

С начала нашей эры у всех племен Прибалтики земледелие стало основой хозяйства. В центральных возвышенных частях Прибалтики заметно выросла численность населения (рис. 2). В прибрежной же полосе, отличающейся малопродуктивными почвами и высоким уровнем почвенных вод, в северо-западной части материковой Эстонии, на эстонских островах и на Курземском побережье земледелие развивалось медленнее¹¹. Есть основания полагать, что здесь, наряду с земле-

⁹ Костный материал, добытый при раскопках 1948—1949 гг., определил проф. В. И. Цалкин.

¹⁰ А. К. Вассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа, «Древние поселения и городища. Археологический сборник», I, Таллин, 1955, рис. 35, 1, 2 (Асва) и 3 (Иру). Костный материал из Иру определил зав. сектором Ин-та зоологии и ботаники АН Эст.ССР К. Л. Паавер.

¹¹ А. К. Вассар, К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии, «Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей», Таллин, 1956, стр. 190 сл.

делием, большую роль, чем в центральных районах, играло скотоводство, и подсобными занятиями населения, очевидно, оставались морские промыслы.

Новое значение получило море для прибрежного населения в следующий период, в конце I и начале II тысячелетия н. э. К этому времени земледелие и в этой зоне заметно развилось. Озимая рожь, наряду с господствовавшим до того времени ячменем, стала основной зерновой культурой. Начался постепенный переход к системе земледелия с паровым полем. В прибрежной зоне, по сравнению с центральными районами Прибалтики, все же было меньше пригодной для обработки земли и ниже ее урожайность, поэтому здесь известную роль в экономике по-прежнему сохраняли и подсобные промыслы — рыбная ловля и охота на тюленя. С конца I тысячелетия для населения прибрежной зоны все большее значение начинают приобретать мореходство и заморская торговля. Скандинавские саги XI—XII вв. часто упоминают флотилии куршей и сааремаасцев. Широкое развитие мореходства в этот период накладывает особый отпечаток на быт прибрежного населения. Доходы, получаемые от мореходства и торговли, сосредоточивались в основном в руках знати, и ее богатства определялись здесь в значительной степени этими доходами, а не только размерами земельных владений, как в центральной части материка. Этим, очевидно, можно объяснить характерное для острова Сааремаа и в более позднее время наличие большого числа мелких эстонских вассалов, существование которых прослеживается по источникам вплоть до XVI в.¹²

Иноземные захватчики, проникшие в начале XIII в. в Прибалтику, постепенно почти полностью превратили мореплавание и торговлю в привилегию немецкого городского купечества. В дальнейшем население прибрежной зоны могло заниматься только мелкой торговлей, каботажным плаванием, рыболовством и охотой на тюленя. Особенно тяжело это отразилось на экономике жителей острова Сааремаа, на котором сравнительно немного пригодной для обработки земли.

Крайняя северо-западная прибрежная полоса территории Эстонии, очень поздно поднявшаяся над уровнем моря и отличающаяся каменистой или песчаной почвой, не притягивала эстонского населения, занимавшегося главным образом земледелием. В XIII—XIV вв. местные феодалы посадили на эту полосу шведских крестьян, переселенных с побережья Финляндии. В их хозяйстве большую роль играло молочное животноводство (как и в Финляндии), земледелие же отступало на задний план. Они также занимались рыболовным и тюленьим промыслами, причем в несколько больших масштабах, чем эстонское сельское население. Рыбная ловля и охота на тюленя не только удовлетворяли их собственные потребности, но и позволяли выполнять соответствующие феодальные повинности и давали иногда некоторый избыток для продажи.

Лишь начиная с середины XIX в., с развитием промышленности, ростом торговли и судоходства, с возникновением капиталистического сельского хозяйства, использующего наемную рабочую силу, для населения островов и побережья стали открываться более широкие, чем раньше, возможности найти подсобные заработки. Оно стало больше прежнего заниматься перевозкой в прибрежных водах грузов, уходить на работу на торговые суда или в города и мызы. Сааремаасцы пользовались особою известностью на мызах материковой части Прибалтики как искусные мастера прокладки мелиоративных каналов. Отходничеством занимались не только мужчины, но нередко и девушки; в пастухи на материк Эстонии и в Латвию посылали каждой весной много

¹² H. Laakman, Estland und Livland in frühgeschichtlicher Zeit, «Baltische Lande», I, Leipzig, 1939, стр. 238.

детей, хотя эта работа оплачивалась весьма скудно¹³. Все это придавало быту островного и прибрежного населения свои особенности. В связи с тем, что большинство мужчин на лето уходило, женщины на Сааремаа вынуждены были наряду со своей домашней работой исполнять большую часть полевых работ. Из-за малоплодородных почв урожай был очень низок; население много времени уделяло подсобным заработкам. На островах и северо-западе материка Эстонии сельскохозяйственная техника оставалась отсталой.

Как показывают материалы, собранные Прибалтийской экспедицией, явные различия имелись также в хозяйстве и быту населения центральных частей Прибалтики и ее окраинных восточных районов. Это наблюдение явилось, так сказать, ключом к пониманию и оценке всего комплекса рассматриваемых явлений.

С начала нашей эры в Прибалтике увеличивается количество археологических памятников, которые свидетельствуют о заметном росте заселенности центральных возвышенных, более благоприятных для земледелия, районов, в то время как низины, где концентрировалось население в более ранние периоды, становятся редкзаселенными или вовсе пустуют. Особенно ярко проявляется эта перемена именно в Эстонии, где в неолите, а также в эпоху раннего металла население размещалось главным образом в наиболее низменных районах.

Незаселенным или крайне редко заселенным оставалось также западное побережье Чудского озера, за исключением средней его части (район Кодавере и Алатскиви), которая в виде возвышенного мыса тянется до самого Чудского озера. Увеличение густоты заселения возвышенностей свидетельствует о том, что в центральных районах Прибалтики земледелие в первые века нашей эры, как и в более позднее время, было не только основным, но и абсолютно господствующим занятием населения. Конечно, и здесь занимались рыболовством и охотой, но по сравнению с земледелием и скотоводством эти промыслы отошли на задний план. Это объясняется тем обстоятельством, что в центральной части Прибалтики леса никогда не были особенно богаты зверем и в ней было относительно мало изобилующих рыбой водоемов. Здесь и поселений неолитических охотников-рыболовов было мало, по сравнению, например, с Валдайской возвышенностью, Приладожем, Обонежьем или Финляндией.

В восточной полосе Прибалтики и на соседней (с востока) территории между разными отраслями хозяйства существовало до некоторой степени иное соотношение. Как показали исследования Я. В. Станкевич в верхнем течении Западной Двины, раскопки С. А. Таракановой на Псковщине и другие работы, там переход к земледелию не вызвал таких изменений в заселении, как в центральной Прибалтике. На карте археологических памятников в южной части Псковской области, составленной Я. В. Станкевич (рис. 3), видно, что там укрепленные городища земледельцев и скотоводов первых веков нашей эры расположены в тех же самых местах и на берегу тех же озер, где были стоянки неолитических охотников и рыболовов¹⁴. Так же на берегу озера вблизи стоянок каменного века расположено исследованное Э. Д. Шноре поселение III—IV вв. Кивты (восточная Латвия, близ г. Лудза), где были найдены зерна ячменя¹⁵. Это показывает, что рыбная ловля в

¹³ По данным, относящимся к началу текущего столетия, с о. Сааремаа на отхожие заработки ходило ежегодно около 5000 человек, т. е. примерно каждый шестой трудоспособный. См. «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XL, СПб., 1904, стр. 185, 186.

¹⁴ Я. В. Станкевич, Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины, «Древние поселения и городища. Археологический сборник», I, Таллин, 1955, рис. 28.

¹⁵ А. П. Расиньш, Материалы к истории культурных растений на территории Латвийской ССР до XIII века н. э., Сб. «Растительность Латвийской ССР», II, Рига, 1959, стр. 140.

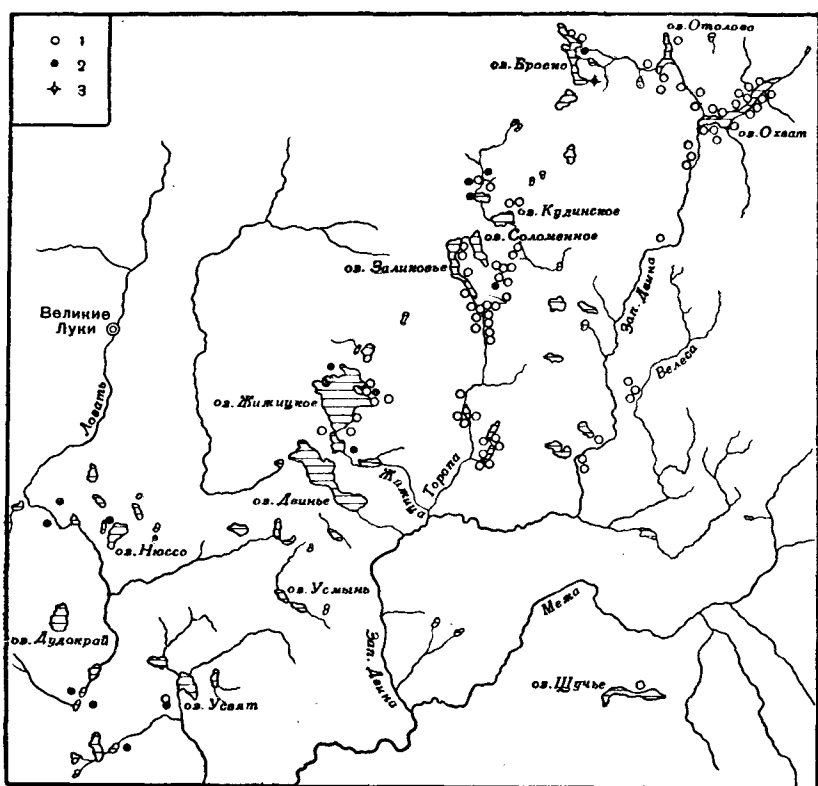

Рис. 3. Поселения позднего неолита, городища и селища эпохи раннего металла в верхнем течении Западной Двины: 1 — неолитические поселения (III—II тысячелетия до н. э.); 2 — городища второй половины I тысячелетия до н. э. и начала I тысячелетия н. э.; 3 — селища того же периода (по Я. В. Станкевич)

хозяйстве жителей этих поселений и в начале нашей эры далеко не утратила своего значения. Следует указать, что почвенные условия в этом районе и в Прибалтике сходны. Поэтому разница в расположении поселений не может быть объяснена различием почв. Исследованные Я. В. Станкевич памятники, так же как и поселение Кивты на востоке Латвии, находятся именно в пределах возвышенной и изобилующей озерами Балтийской гряды. Там рыбная ловля как в раннее время, так и позже составляла определенную часть хозяйственных занятий населения. То же самое можно предполагать о хозяйстве населения соседней с Эстонией восточной территории — Причудья, Приильменя и Приладожья. Во всех этих районах с появлением земледелия основная масса поселений оставалась там же, где она была уже в неолите, — главным образом по берегам водоемов¹⁶. Известно, что там и в более поздние времена наряду с земледелием и скотоводством существовало место в хозяйстве занимали рыболовство и охота. Несмотря на то, что на всей этой территории в первой половине I тысячелетия жило население, близко родственное племенам Прибалтики (по соседству с современной Эстонией обитали прибалтийско-финские, рядом с Латвией и Литвой — балтийские племена), между ним и прибалтийскими племенами, судя по разному характеру поселений и погребального обряда, существовали различия не только в экономике, но и в быту, и в веро-

¹⁶ Н. Н. Гуркина, Археологические исследования на северо-западе Европейской части СССР, «Краткие сообщения ИИМК», XLIX, 1953, стр. 65 сл.

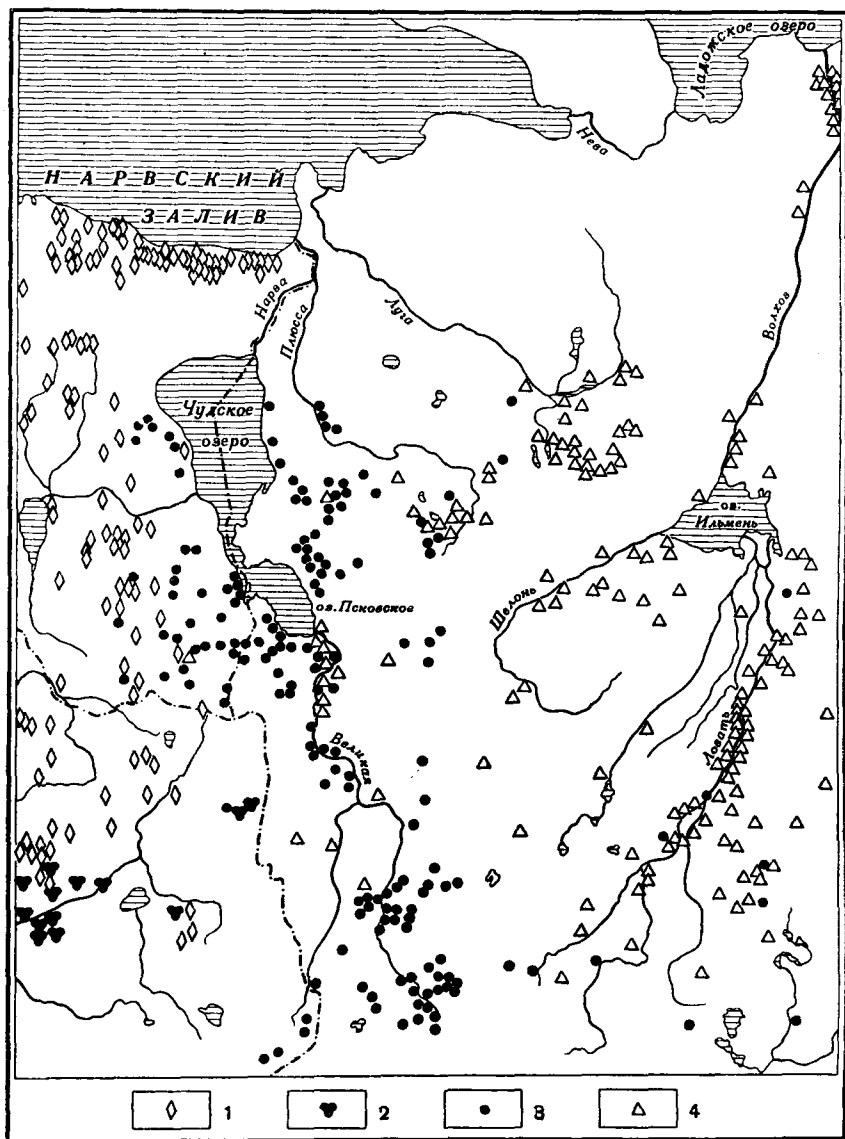

Рис. 4. Погребальные памятники восточнославянских, балтийских и прибалтийско-финских племен в середине и второй половине I тысячелетия в восточной полосе Прибалтики и на соседней восточной территории: 1 — каменные могильники эстонских племен; 2 — земляные курганы балтийских племен; 3 — длинные и круглые курганы кривичей (и некоторых соседних племен Прибалтики); 4 — «сопки» словенского типа (славянские памятники — по Н. Н. Чернягину с некоторыми дополнениями).

ваниях. Примечательно, что в западной и центральной частях Прибалтики этот период представлен большим количеством своеобразных могильных памятников (в Эстонии — каменные могильники, в Латвии и Литве — насыпные курганы и грунтовые погребения), а в крайней восточной полосе Прибалтики и на соседней с нею территории могильные памятники этого периода пока не известны.

В середине I тысячелетия н. э. в соседние с Прибалтикой восточные области проникают с бассейна Днепра восточнославянские племена. Из археологических памятников особенно характерны для славян их могильники — у кривичей круглые или длинные курганы, у ильменских

словен — так называемые сопки. Славяне расселились в первую очередь по речным системам — Неману, Западной Двине, Великой, Ловати и Волхову (рис. 4). Они успели дальше уйти в развитии хозяйства и общественного строя по сравнению со своими северными соседями, и это дало им возможность проникнуть в глубь лесной полосы и получить перевес над коренными племенами. Хозяйство их основывалось на развитом земледелии, как пашенном, так и подсечном. О том, что в развитии земледелия они опередили своих северных соседей, свидетельствует заимствование теми у них не только основного пахотного орудия — сохи, но и некоторых новых приемов возделывания земли¹⁷. На исходной территории восточных славян — в Приднепровье и Полесье — у них получили развитие также охота и рыболовство. Восприняв вдобавок некоторые производственные навыки от коренных племен, они развили, таким образом, комплексное хозяйство, которое дало им возможность постепенно стать хозяевами всей лесной полосы.

Вслед за проникновением славян на соседнюю с Прибалтикой территорию и смешением их с местными племенами последовало сближение обоих этнических элементов, сначала в области экономики, а затем и в области культуры и быта. От славян местные племена, в их числе и водьские племена, жившие на восточном берегу Чудского озера, восприняли также обряд погребения в курганах. Оттуда этот тип погребальных памятников во второй половине I тысячелетия, очевидно, водьскими переселенцами был принесен и на западное побережье Чудского озера. Здесь курганы распространились на песчаных, покрытых лесами почвах по реке Кяапа и вблизи деревень Саваствере и Кооза (рис. 5, III). То, что пришельцы поселились на малоплодородных почвах, мало привлекавших эстонцев, живших преимущественно земледелием, свидетельствует, видимо, о том, что у новых поселенцев земледелие и скотоводство должны были в значительной мере сочетаться с охотой и другими подсобными промыслами.

В конце I — начале II тысячелетия у славян и у живших чересполосно с ними и по соседству местных племен, а также у племен Прибалтики, прослеживается заметное развитие производительных сил общественного строя и культуры. У всех этих народов зарождаются феодальные отношения. Стало развиваться пашенное земледелие, появились новые земледельческие орудия, получила распространение оземляная рожь, в результате чего заметно возросли урожаи. Расширилось скотоводство. Развились ремесло и торговля. Возникли города — Новгород, Псков, Полоцк и другие, не говоря уже о многих меньших поселениях городского типа. Рост городских центров, снабжение их продовольствием и разного рода сырьем также оживляли развитие хозяйства в деревне. Однако в Новгородской земле, хотя там и было развито земледелие, деревня все же не могла дать столько хлеба, чтобы его полностью хватало городу. Новгород вынужден был ввозить значительную часть хлеба из соседних (с юго-востока) русских земель. Известно, что когда подвоз хлеба отсюда задерживался в результате конфликтов между Новгородом и поволжскими княжествами, позже — Московским княжеством, в городе начинался голод¹⁸. В отличие от Новгородской земли, Псковщина вывозила в некотором количестве хлеб, хотя

¹⁷ О земледелии у прильменских словен в VII—X вв. и его связях с земледельческой культурой более южных районов см. А. В. Кирьянов, История земледелия Новгородской земли X—XV вв., Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II МИА, № 65, 1959, стр. 312 сл. По мнению финского этнографа К. Вилкуна, восточные славяне развили новые приемы подсечного земледелия, воспринятые затем населением восточной Финляндии: см. «Nordisk kultur», XIII. Lantbruk och bebyggelse, Utgiven av Sigurd Erixon, Stockholm, Oslo, Köbenhavn, 1956, стр. 54 сл. (раздел De finska storsvederna av Kustaa Viikuna).

¹⁸ А. П. Пронштейн, Великий Новгород в XVI веке, Харьков, 1957, стр. 114.

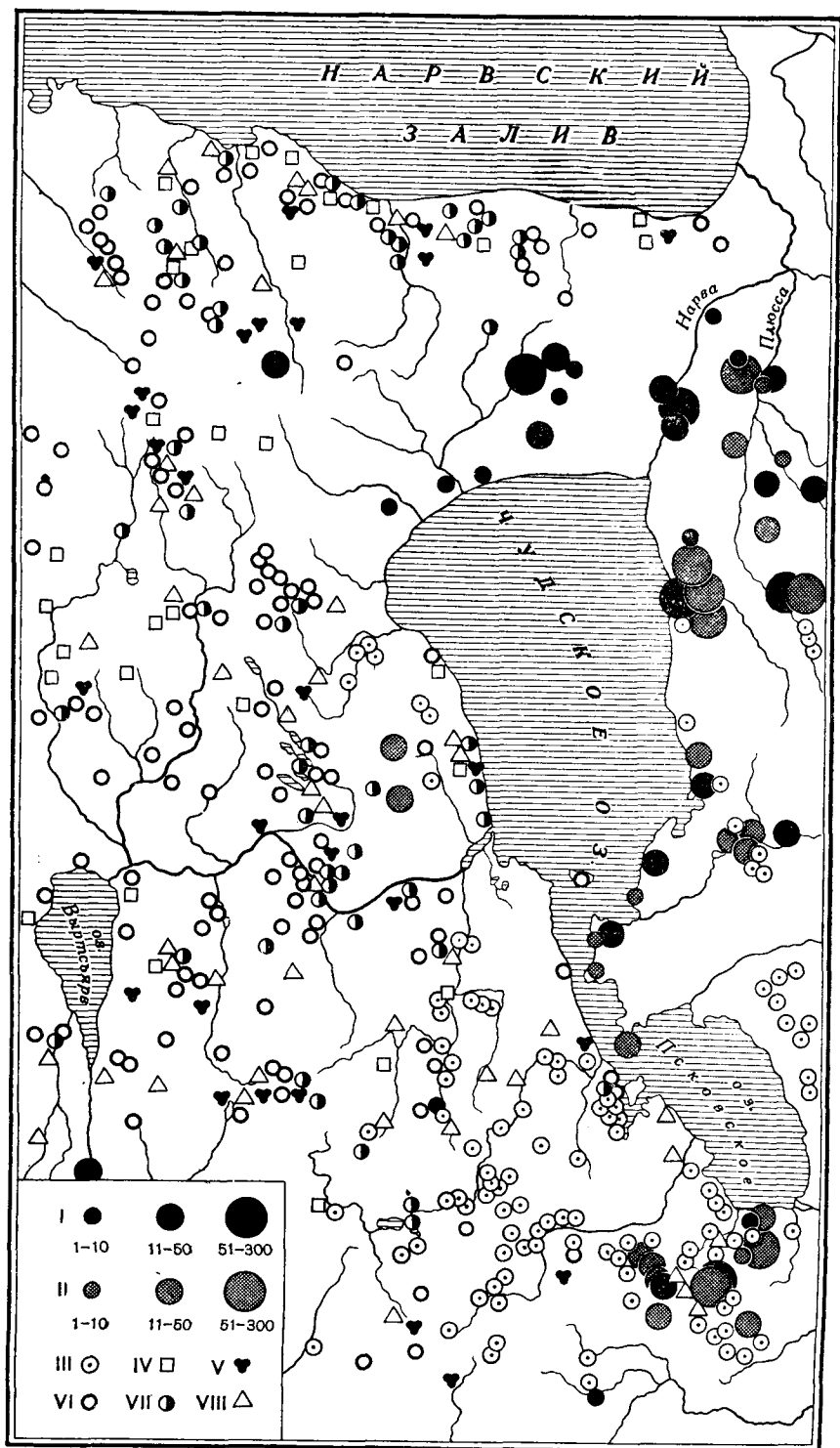

Рис. 5. Славянские, водьские и эстонские археологические памятники VI—XV вв. в Причудье и восточной Эстонии: I — поздние славянские и водьские курганы (X—XIV вв.); II — славянские и водьские жалньики (XIII—XV вв.); III — ранние славянские и водьские курганы (с трупосожжением, VI—IX вв.); IV — эстонские каменные могильники (второй половины I тысячелетия — начала II тысячелетия); V — эстонские грунтовые могильники (XII—XIII вв.); VI — случайные находки (второй половины I тысячелетия — начала II тысячелетия); VII — клады (того же периода); VIII — городища (того же периода) (составили С. К. Лауль и А. Э. Кустин)

главным продуктом вывоза для Псковщины уже в средневековье, как и позже, был лен¹⁹.

Как показал акад. Б. А. Рыбаков, в то время в связи с развитием ремесла приобрели большой размах не только крупная торговля, сосредоточенная в городах, но и деятельность мелких розничных торговцев, странствовавших из деревни в деревню и распространявших изготавливаемую в центрах массовую продукцию²⁰. Русские и водьско-ижорские разносчики заходили, по-видимому, далеко в глубь Прибалтики. Из предметов, распространяемых ими, назовем, например, бронзовые надетельные крестики и витые браслеты, которые изготавливали в Новгороде и, вероятно, местами — в Новгородской земле.

С развитием производительных сил усиливались рост населения и его проникновение в редкозаселенные до того времени окраинные районы. В этот период прослеживается новый приток переселенцев с востока также в северное и западное Причудье. Об этом свидетельствует появление здесь в XII—XV вв. курганов новгородско-водьского типа, прежде всего на северном и северо-западном побережье Чудского озера от Васкнарвы и Куремяэ до Лохусуу. Несколько позже появляются курганы и грунтовые захоронения под каменной кладкой западнее Чудского озера (см. рис. 5). Во всех этих могильниках обнаружены предметы новгородского и водьско-ижорского типов, а в самой северо-восточной части — и предметы, характерные для русского населения Новгородской земли, которые в остальной Эстонии почти не встречаются. Важно отметить, что все упомянутые могильники расположены среди лесов на песчаных почвах, которые эстонцами оставались незаселенными. Численно небольшие группы поселенцев, которые оставили эти могильники, не могли прожить здесь только за счет земледелия.

По источникам, дошедшим до нас от XVI—XVII вв., особенно по данным польских и шведских ревизий, видно, что большинство населения эстонского Причудья занималось рыболовством. Жившие на побережье малоземельные крестьяне уплачивали свои подати свежей и сушеной рыбой, по большей части — с невода, а также деньгами. В повинности крестьян, живших подальше от озера среди лесов, входила поставка помещикам дров и леса и перевозка этих и других материалов. Платили зерном и несли барщину преимущественно крестьяне, жившие на лучших землях в средней части западного побережья Чудского озера около Кодавере и Алатскиви.

В этот период начинают играть известную роль также и ремесла, особенно обработка дерева. К XVII в. относятся первые сведения об изготовлении деревянной утвари в Авинурме (северо-западное Причудье), которое позже славилось этим. Население лесистого Причудья занималось также заготовкой и вывозом лесных материалов, гонкой смолы и другими промыслами, связанными с лесом. Известно, что, начиная с 70-х годов XVII в., крестьяне Причудья и Полужья продавали и сплавливали или вывозили лес в Нарву. Наконец, следует упомянуть также мелкую торговлю, которая, очевидно, часто сочеталась с извозом. Из отдельных источников видно, что крестьяне из эстонского Причудья ходили, например, за солью в Таллин и затем продавали ее не только у себя на месте, но и по ту сторону Чудского озера²¹.

Хозяйство и быт причудских крестьян развивались, таким образом, до некоторой степени по иному направлению, чем сельского населения центральной Эстонии и вообще центральных районов Прибалтики. Пос-

¹⁹ A. Attman, Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik, 1558—1595, Lund, 1944, стр. 5 сл. и приложенная к работе карта основных льноводческих районов.

²⁰ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 465—466.

²¹ A. Soom, Die Politik Schwedens bezüglich des russischen Transithandels über die ethnischen Städte in den Jahren 1636—1656, Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused, XXXII, Tartu, 1940, стр. 262; О. Лийв, О русских поселениях в Алутагузе вплоть до первой четверти XVIII века (на эст. яз.), Tartu, 1929, стр. 65, 66 и прим. 7 там же.

ле завоевания Прибалтики немецкими феодалами вывоз зерна и льна из Ливонии в Западную Европу непрерывно возрастал и особенно большого объема достиг в XV—XVI вв.²² В этих условиях в Ливонии как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйстве усилилось преобладание земледелия, которое, как мы видели, намечалось в центральной полосе Прибалтики уже в предшествующем тысячелетии. В то же время ремесло и торговля в Ливонии все больше превращались в привилегию горожан. У прибалтийских крестьян ремесленное производство сохраняло натуральный характер и было развито заметно слабее, чем в русской деревне.

Правда, различия в характере хозяйства прибалтийских и русских крестьян были невелики: как те, так и другие жили в основном сельском хозяйством. Но в Прибалтике все подсобные занятия носили временный или случайный характер и имели узко местное значение. В отличие от сельского населения Прибалтики русское крестьянство соседних областей, как известно, развивало наряду с сельским хозяйством различные промыслы и ремесла, а также мелкую торговлю. Этого на первый взгляд небольшого различия в характере хозяйства было достаточно, чтобы в быту как русских, так и прибалтийских крестьян выработались свои особенности и возникло некоторое общественное разделение труда между крестьянством обеих областей.

На фоне этого становятся понятными поездки русских рыбаков на побережье Прибалтики и ее озера. Странствующие русские ремесленники и розничные торговцы приносили в прибалтийскую деревню то, чего не доставало там, так как соответствующие отрасли местного производства отставали²³. Характерно, что заимствования, воспринятые коренным населением Прибалтики у русских, относятся в значительной части к разного рода промысловой деятельности, тогда как из Прибалтики на восток распространилась именно постройка, связанная с земледельческим хозяйством, — рига²⁴.

Эстонское Причудье, юго-восток Эстонии, Латгалия и восточная Литва занимали не только по географическому положению, но и по хозяйственному укладу крестьянства промежуточное положение между Прибалтикой и Россией.

В XVIII в. Прибалтика была присоединена к Российской империи и экономически включилась вследствие этого в обширный русский рынок, что весьма оживляюще повлияло на ее развитие.

Интересно проследить, какие различия в хозяйстве Прибалтики и соседних русских областей сохранялись и развивались при характерном для последующего периода росте производительных сил, углублении общественного разделения труда и развитии на основе этого капиталистических отношений как в городе, так и в деревне.

Остановимся прежде всего конкретно на интересующей нас русской территории. Северо-западные русские губернии были в особом положении вследствие того, что здесь находилась основанная в начале XVIII в. Петром I столица Российской империи. В Петербурге уже в 1725 г.

²² Х. М. Лиги, О развитии барщинного помещичьего хозяйства на территории Эстонии в середине XVI века (на эст. яз., резюме на русском), «Изв. АН Эст. ССР», Серия обществ. наук, 1958, стр. 93 сл.; V. Niitemaa, Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter, «Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia», sarja B, nide 76, 2, Helsinki, 1952, стр. 346 сл.

²³ А. Х. Моора, Эстонско-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 45 сл. (Краткая сводка содержания рукописной статьи того же названия, хранящейся в Этнографическом музее АН Эст. ССР в Тарту).

²⁴ Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Восточнославянский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 300. На Псковщине рига упоминается уже в XVIII в. (см. М. Дьяконов, Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. I, Юрьев, 1895, стр. 30).

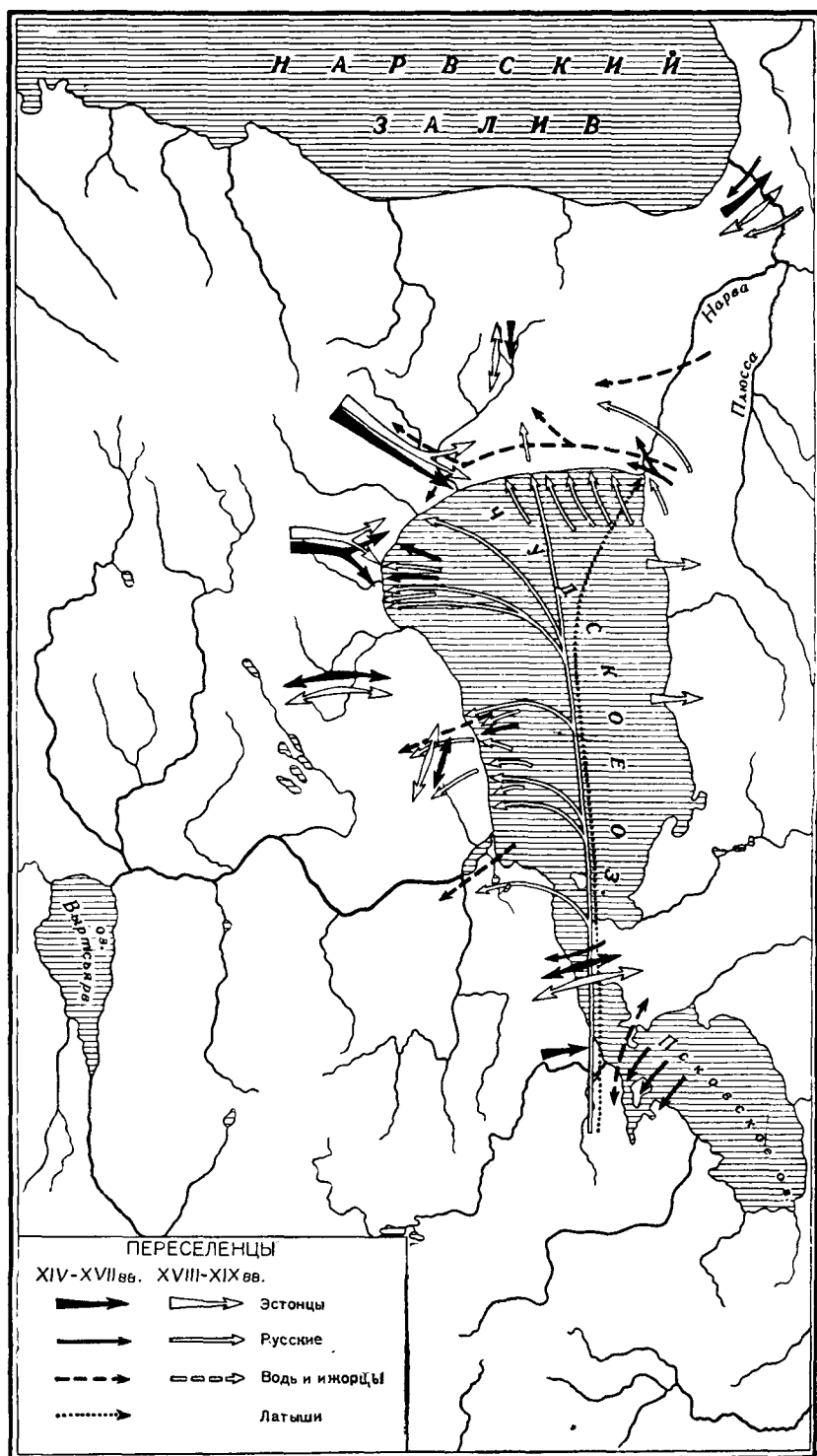

Рис. 6. Основные направления движения переселенцев в Причудье в XII—XIX вв.

насчитывалось 75 тыс. жителей, в 1825 г. их число возросло до 425 тыс. (уже значительно превышая население старой столицы — Москвы), а в 1897 г. — до 1 264 920, причем в период после 1861 г. население более чем удвоилось²⁵. Намного обогнав по своим размерам и быстроте роста все старые города, Петербург втянул в сферу своего экономического влияния не только ближайшие, но и отдаленные районы вплоть до верхней Волги и Белоруссии. Не говоря о том, что окрестные земли снабжали столицу продовольствием, строительными и другими материалами, она привлекала огромную массу ищущего заработка сельского населения. По данным переписи 1897 г., среди жителей Петербурга насчитывалось 67,6% пришлого элемента, причем около 60% населения города составляли крестьяне²⁶. Кроме того, массы крестьян приходили в Петербург на сезонную работу. Такую же роль играли, конечно, и другие города, среди которых особенно следует отметить Ригу — один из наиболее быстро разраставшихся торговых и промышленных центров России.

Основной источник существования крестьян — сельское хозяйство в Петербургской, Псковской, Новгородской и других соседних с Прибалтикой губерниях во второй половине прошлого века в условиях развивающегося капитализма сделало некоторые успехи. К концу прошлого века — особенно в непосредственной близости к столице — трехполье стало уступать место многополью, появились новые сельскохозяйственные орудия. Однако уровень развития сельского хозяйства оставался все же низким, и только в части Псковской губернии оно давало некоторый избыток для продажи, в то время как в других частях той же губернии и в соседних Петербургской и Новгородской губерниях недоставало своего хлеба даже самим крестьянам, и его приходилось в большей или меньшей мере прикупать²⁷. Хлеб ввозили и в Псковскую губернию, имевшую относительно более плодородную почву, по той причине, что там товарное льноводство расширялось за счет посевов яровых хлебов²⁸. Петербург и его окрестности получали необходимое зерно в первую очередь из восточных черноземных районов²⁹. Вследствие недостаточной продуктивности сельского хозяйства крестьяне названных губерний должны были искать себе дополнительные средства существования.

Статистические данные показывают, что существенным подспорьем в этих лесистых районах были, как и в прежние времена, различные лесные промыслы, заготовка и вывоз лесных материалов, изготовление саней, телег и деревянной утвари, гонка смолы и дегтя, плетение корзин, заготовка лучины для корзин и ивовой коры для кожевенного дела и т. д. На втором месте стоял доход от рыбной ловли, которая была главным средством существования для большей части населения, живущего на побережье озер и больших рек. Крупную рыбу продавали в Петербург и другие города, а мелкую оставляли для собственного потребления. Помимо того сельское население занималось также различными ремеслами: плотничьим, кузнечным, сапожным, портняжным, кожевенным и др., полный перечень которых был бы слишком длинным

²⁵ «Россия», Под ред. В. П. Семенова и В. И. Ламанского, т. III. Озерная область, СПб., 1900, стр. 248; «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», тетрадь XXXVII. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903, стр. 111.

²⁶ Учтены пришельцы только из России. Из пришлого населения 89 086 чел. были уроженцами разных уездов Петербургской губернии, 764 580 чел. — уроженцами других губерний. Жителей крестьянского сословия было 745 905, что составляло 58,97% всего населения столицы («Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», тетрадь XXXVII, стр. XII, 4, 5).

²⁷ «Россия», т. III, стр. 142 и карта 8.

²⁸ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 243.

²⁹ «Россия», т. III, стр. 230, 231.

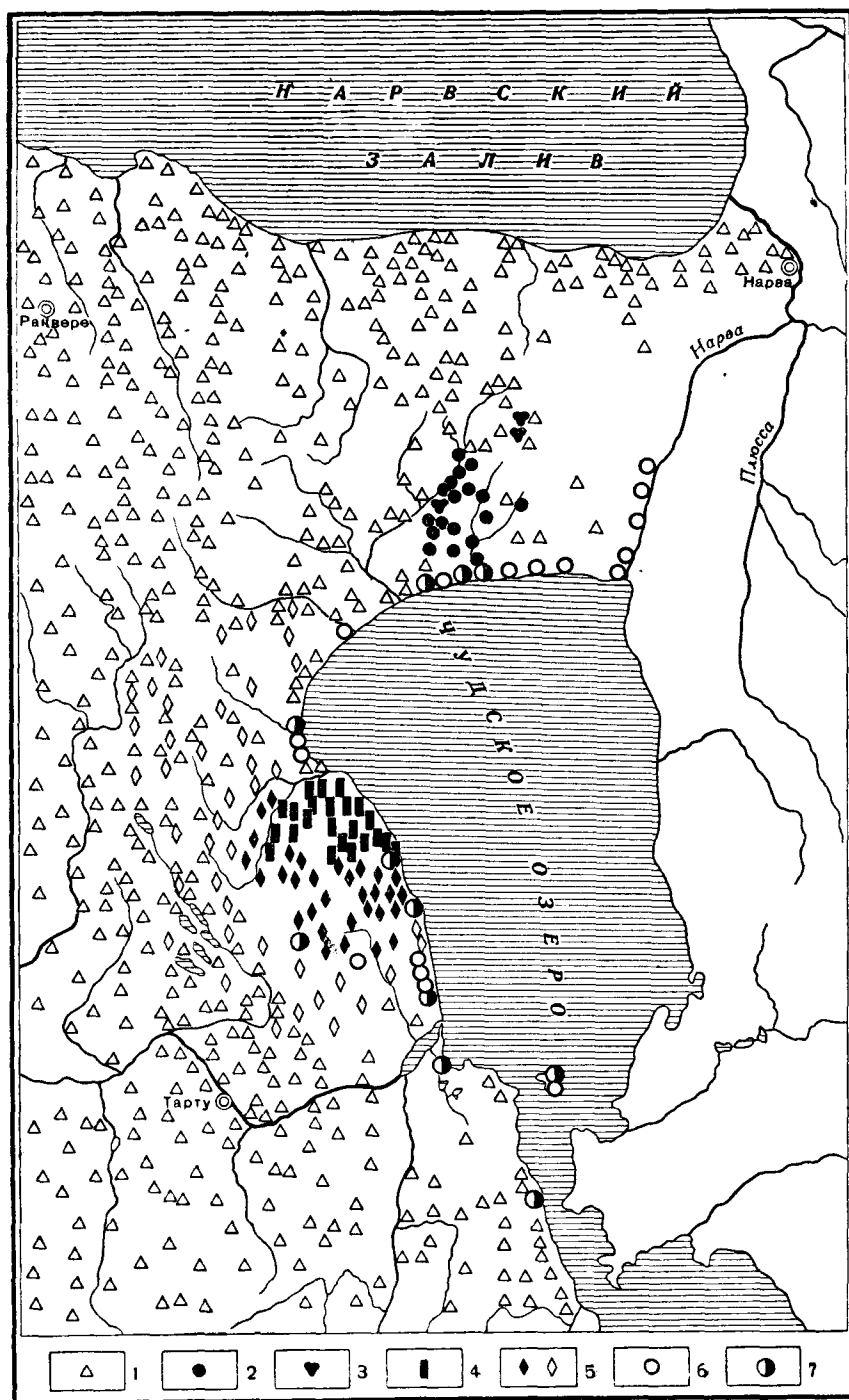

Рис. 7. Разные этнические группы населения эстонского Причудья во второй половине XIX в.: 1 — население, говорящее на разных диалектах эстонского языка; 2 — ийсацкие эстонцы (прежнее смешанное эстонско-вотско-ижорско-русское население); 3 — эстонское и ийсацко-эстонское население; 4 — население, говорящее на кодаверском диалекте эстонского языка; 5 — население, говорящее на эстонском языке, более или (соответственно) менее смешанном с кодаверским диалектом; 6 — русское население; 7 — смешанное русско-эстонское население (данные о кодаверском диалекте — по А. Я. Универе)

(их обзор, хотя и неполный, дает схематическая карта, рис. 8) ³⁰. Хотя промыслы в этих районах, по сравнению, например, с центральной Россией, были вообще мало развиты, нужно все же сказать, что в пределах рассматриваемых нами русских губерний уровень развития промыслов был в более восточных районах выше, чем в западных. Очень характерным для этих мест было распространение отхожих промыслов, игравших существенную роль уже в XVIII в. и даже раньше, но в прошлом веке в капиталистических условиях получивших особое распространение. Большая часть мужского населения регулярно была занята на сезонных работах в Петербурге и других городах, главным образом в качестве чернорабочих, а также мостовщиков, полотеров и пр. На заработки в город уходили и мальчики. Девушки обычно шли работать на пригородные огороды. С развитием капитализма в русской деревне все больше увеличивалось число странствующих прасолов и находившихся у них на службе гуртовщиков (которые, начиная с XVIII в., снабжали скупленным в Лифляндии и Финляндии скотом Петербург и другие города ³¹), скупщиков овощей и других товаров. Все больше развивалась мелочная торговля вразнос.

Насколько велико было экономическое значение разных промыслов и подсобных заработков, показывают некоторые статистические данные. По приблизительным подсчетам, в конце прошлого века средняя крестьянская семья в Петербургской губернии получала в год дохода от сельского хозяйства 130 руб., а от разных промыслов — до 150 руб. Хотя в соседних с Прибалтикой русских областях земледелие в деревне продолжало несомненно оставаться основной отраслью хозяйства, в некоторых районах (особенно Петербургской и Новгородской губерний) другие занятия и заработки, вместе взятые, уже оттесняют его на второй план. Это явствует и из других данных, которые свидетельствуют, что 94% сельского населения Петербургской губернии занималось промыслами, а земледелием — 90% ³². Тот факт, что земледелие уже не было больше фактически главным источником средств существования, надо считать, наряду с постепенно продолжающимся разорением большей части крестьян, одной из причин, почему развитие земледелия в русской деревне стало отставать от Прибалтики, почему техника его была более отсталой, инвентарь и скот — худшего качества.

В тот же период крестьянское хозяйство центральных, наиболее типичных районов Прибалтики, представляло до некоторой степени иную картину. Здесь сельское хозяйство, как и ранее, оставалось абсолютно преобладающим источником существования. Правда, в основных его отраслях со временем произошли некоторые изменения. Производство зерновых на рынок занимало по-прежнему важное место, однако зерно, выращиваемое на сравнительно малопродуктивных почвах Прибалтики, не могло ни по себестоимости, ни по качеству соревноваться на мировом рынке с зерном, идущим из центральных черноземных областей России или поступающим из заокеанских стран. Поэтому сельскому хозяйству Прибалтики нужно было искать новых путей и, в частности, пытаться переработать свое сырье в более ценный товар. Помещики стали гнать из зерна водку, все в большей мере заниматься откормом скота на мясо для продажи. Последним постепенно стали заниматься и крестьяне. Во второй половине прошлого века, в связи с высокими

³⁰ Немало материалов по хозяйству и быту населения окрестностей Петербурга содержат следующие издания: «Россия», т. III, стр. 112 сл., 144 сл.; «Западнофинский сборник», Л., 1930; «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXVIII А, СПб., 1900, стр. 203 (С.-Петербургская губ.).

³¹ Районы Прибалтики, в которых русские прасолы во второй половине XVIII в. скупали скот, показаны на карте в книге «История Эстонской ССР в трех томах» (на эст. яз.), т. I, Таллин, 1954, стр. 494 (условный знак 5).

³² «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXVIII А, стр. 203.

ценами на лен, в южной Эстонии, Латвии и Литве значительно расширились посевы этой культуры. В северной Эстонии в это же время увеличилось производство картофеля на продажу. К концу века, однако главным в сельском хозяйстве Прибалтики постепенно становится скотоводство. Таким образом, попытки расширять и развивать возможность получения средств к существованию делались в Прибалтике в пределах того же сельского хозяйства.

В прибалтийской деревне, где пахотная земля уже давно (в XI—XII вв.) перешла в подворное пользование, с того момента, как хозяева получили возможность выкупа своих участков, капитализм развивался очень быстро, что, как и везде, вело в Прибалтике к вытеснению большей части населения из сельского хозяйства. Этот процесс здесь протекал особенно остро, потому что прибалтийские помещики пытались расширить свои земли за счет крестьянских и для этого «очищали» последние от крестьян. Поскольку в Прибалтике, как в области, где в экономике издавна преобладало земледелие, вся пригодная земля была максимально использована, постольку крестьянам, вытесняемым из сельского хозяйства, ничего иного не оставалось, как отмечает В. И. Ленин, как эмигрировать либо в промышленные центры, либо в другие страны³³. Эстонские и латышские крестьяне шли в город в меньшем числе, чем этого можно было ожидать при сложившихся в местной деревне исключительно тяжелых условиях. В городах Прибалтики во второй половине прошлого века можно отметить сильный приток сельского населения, но все же и в конце столетия немцы, русские, поляки, шведы, евреи и представители других национальностей составляли в Таллине около 40%, а в Риге — даже больше половины (55%) всего населения³⁴. Помимо этого, в течение всей второй половины прошлого века в Таллин и особенно в Ригу каждую весну приходило на летний сезон много русских отходников. Значительная часть вытесненных из сельского хозяйства эстонских и латышских крестьян не шла в город, а пыталась найти землю, и с этой целью уходила в соседние русские и белорусские губернии (Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Витебскую, Минскую, Могилевскую и др.), а также в Поволжье, Сибирь и на другие окраины, где пригодная земля не была еще в той мере занята, как в Прибалтике, и где поэтому она была в несколько раз дешевле (при значительно большем плодородии). По данным, приведенным В. И. Лениным, в Прибалтике в период с 1863 по 1897 г. рост населения, в особенности сельского населения, был значительно меньше, чем в других областях России³⁵. Это, несомненно, объясняется большим развитием эмиграции. По приблизительным подсчетам, начиная с 60-х годов прошлого века и до начала XX века, в другие губернии эмигрировало не менее 11% эстонского сельского населения. Число эмигрировавших из Латвии крестьян было несколько меньше, но достигало все же примерно 10% сельского населения, т. е. соотносительно столько же, сколько из русских центрально-земледельческих губерний, которые В. И. Ленин выделяет как район, отличающийся особенно сильным развитием эмиграции³⁶.

³³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 493.

³⁴ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», тетрадь XLIX. Эстляндская губерния, СПб., 1905, стр. 2; тетрадь XXI. Лифляндская губерния СПб., 1905, стр. 3.

³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 495.

³⁶ Там же, стр. 494—496. По данным переписи 1897 г., на территории современной Эстонской ССР насчитывалось эстонцев круглым числом 875 тыс. чел. К тому времени их удалось эмигрировать примерно 100 тысяч. К началу первой мировой войны число эстонцев, живших в России за пределами современной Эстонии, достигло 200 тыс. См. А. Ниголь, Эстонские поселения в России, Тарту, 1918 (на эст. яз.). Относительно переселенцев из Латвии см.: «История Латвийской ССР», т. II, Рига, 1954, стр. 26 сл., 128, 169.

Как показал В. И. Ленин, переселялись в первую очередь крестьяне-середняки, у которых было что взять с собой, в то время как обе крайние группы — самые бедные и самые богатые крестьяне — оставались в своих родных местах³⁷. Деревенская беднота, которая была уже оторвана от земли, если она все же эмигрировала, уходила преимущественно в город, а середняки пытались и на чужбине получить землю. О переселившихся из Прибалтики в другие губернии крестьянах известно, что они или покупали себе землю, или сначала арендовали ее и в течение нескольких лет выкупали и заводили на ней хозяйство того же типа, к которому привыкли дома.

Во второй половине прошлого века рыболовство на морском побережье в Прибалтике, особенно в Эстонии и Латвии, стало гораздо более интенсивным, чем прежде. Здесь сложилось местное профессиональное рыболовецкое население, для которого рыбная ловля была основным средством существования. Эти рыбаки начали использовать новые орудия и методы лова, и примерно на рубеже XIX и XX вв. вытеснили приходивших сюда сезонно русских рыбаков. Рыболовство теперь было основано на капиталистических отношениях; рыбаки зависели от предпринимателей и скупщиков. Правда, прибалтийские рыбаки имели по большей части и мелкие земельные участки, но так как они не могли прожить за счет плохо окупающихся рыбной ловли и земледелия, многие из них в промежутки между промысловыми сезонами уходили на сельскохозяйственные работы в местные поместья или крупные хутора.

С развитием капитализма возрастало и число различных сельских ремесленников — плотников, кузнецов, сапожников. Они происходили из тех слоев крестьянства, которые, по выражению В. И. Ленина, капитализм «выталкивал» из сельского хозяйства. Они селились обычно в поселках, постепенно возникавших во второй половине прошлого века в Прибалтике у железнодорожных станций, на скрещении больших дорог и т. п. В этот период ремесло выделилось уже, таким образом, в значительной степени в самостоятельную отрасль занятий и обычно не было связано с сельским хозяйством, что было характерно для русских губерний. Как исключение можно упомянуть, например, в Латвии вецпиебалгских и смилтенских ткачей или в Эстонии хааньяских мастеров, изготавливавших шляпы и курительные трубки, и рапласких тележников; все они занимались ремеслом наряду с сельским хозяйством. Особо следует отметить, что отходничество, которое было так характерно для русских и которое существовало на острове Сааремаа и побережье Эстонии, в центральных районах Прибалтики и в этот период не развилось. Лесные работы, извоз, перевозка товаров для городских купцов носили временный или случайный характер и деньги шли на выкуп земельного участка или пополнение сельскохозяйственного инвентаря. Сельское хозяйство оставалось для населения Прибалтики по-прежнему главным источником средств существования и накладывало отпечаток на весь уклад его жизни.

Благодаря развитию подсобных промыслов и распространению отхожих заработков, соседние русские губернии по плотности сельского населения превосходили Прибалтику. По данным переписи населения 1897 г., на 1 квадратную версту в Эстляндской губернии приходилось менее 19 чел., в материковой части Лифляндской — 22 чел., а в Псковской губернии, имеющей сходные с Лифляндией условия для сельского хозяйства, 27,6 чел. Благодаря тому же в русской деревне и деньги больше получили хождение, чем в прибалтийской. В 1958 г. один информатор из Гдовского района, который в начале настоящего столетия не раз побывал в Эстонии, сравнивая жизнь эстонских и русских крестьян того времени, сказал: «Серо жили эстонцы, они копили деньги и вкла-

³⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 150.

дывали их все в свою землю, все в свою „талу“ (хутор), ничего не покупали, ходили в домотканном. А у нас всё покупали, носили покупное.

Эстонское Причудье занимало, как и раньше, по типу хозяйства и быту населения промежуточное положение между сельскохозяйственными районами Эстонии и соседними русскими областями. Население малоплодородных районов эстонского Причудья, так же как и сельское население соседней Петербургской губернии, получало дополнительные средства к существованию от заготовки и вывозки леса, обработки дерева, сбора ягод и грибов³⁸. Для прибрежного населения важное значение имела рыбная ловля. Особенностью Причудья, по сравнению с остальной материковой частью Эстонии, было распространение здесь различных промыслов (см. схематическую карту, рис. 8). Конечно, и в центральных районах Эстонии были деревенские кузнецы, плотники, ткачи, но, обычно, одиночки, выполнявшие наиболее простые работы и не производившие товаров для продажи.

Восточные районы Латвии и Литвы по типу крестьянского хозяйства представляли переходную зону между Прибалтикой и белорусскими областями. Эта переходная зона, однако, была шире, чем в Эстонии, и расширялась постепенно в южном направлении, захватывая в Латвии Латгалию (часть быв. Витебской губ.), а в Литве не только восточную, но отчасти и центральную часть. Особый тип крестьянского хозяйства Латгалии обуславливался уже тем, что земельные наделы крестьян были там значительно меньше, чем в остальной Латвии. Если в латышской части Лифляндии (Видземе) и в Курляндии (Курземе) средний крестьянский участок был около 40 десятин, то в Латгалии — только 8—9 десятин³⁹. Из этого следует, что большая часть крестьян должна была там иметь подсобные заработки. Действительно, по некоторым имеющимся в литературе данным, около половины латгалских крестьянских семей находили дополнительные средства к существованию в отходничестве, а многие занимались также кустарными промыслами, главным образом деревообделочными, изготовляя на продажу телеги и сани, деревянную посуду, корзины⁴⁰. Известный доход населению богатой озерами Латгалии давала также рыбная ловля. Таким образом, в восточной Латвии господствовал комплексный тип хозяйства, зачатки которого имелись там уже в далеком прошлом. По сравнению с остальной Латвией сельское хозяйство в Латгалии на мелких, чересполосных участках было отсталым.

Подобное положение существовало, в общем, и в восточной Литве. Там крестьянские наделы были меньших размеров, чем в западной Литве (Жемайтии), и также господствовал комплексный тип хозяйства, связанного с отходничеством, рыбной ловлей и другими подсобными занятиями⁴¹.

Собранные Прибалтийской экспедицией материалы позволяют проанализировать сложение этнического состава населения эстонского Причудья и направления его хозяйства. В начале XVIII в. Северная война нанесла населению Причудья, как и всей Эстонии, значительный

³⁸ А. Вийрес, Эстонское народное деревообделочное ремесло, Таллин, 1960 (в печати).

³⁹ «История Латвийской ССР», т. II, Рига, 1954, стр. 167. На востоке Курляндской губернии было, по-видимому, больше мелких хозяйств, чем в средних и западных ее частях. Для Эстляндской губернии мы подобными цифровыми данными пока не располагаем, но известно, что в причудской ее части (в районе Ййсаку) земельные участки были значительно меньше, чем в типичных земледельческих районах.

⁴⁰ «История Латвийской ССР», т. II, стр. 49; Л. Ефремова, Внутренний строй и взаимоотношения в семьях латгалских крестьян во второй половине XIX — начале XX века, «Изв. АН Латвийской ССР», 1959, № 8 (145), стр. 5 сл.

⁴¹ По вопросам литовской этнографии авторам оказывали помощь В. В. Милос (Вильнюс) и специально по литовским постройкам) К. К. Чербуленас (Каунас). Рыболовство на востоке Литвы описано в кн.: M. Z p a m i e r o w s k a - P r ü f f e r o w a, Rybołówstwo jezior Trockich. Rys etnograficzny, Wilno, 1930.

урон. Поэтому после войны сюда влился поток новых поселенцев. Но так как возможности прожить в этой малоплодородной полосе оставались ограниченными, позже, в особенности с середины прошлого столетия, наблюдался и отлив населения отсюда в соседние районы. Как показывает карта движения переселенцев в Причудье (рис. 6), часть поселенцев пришла сюда из соседних районов Эстонии в поисках сколько-нибудь пригодных к обработке земель. Однако земледелие в тех условиях не могло здесь полностью обеспечить их существование, и они должны были заниматься рыболовством, промыслами или торговлей вразнос. Для эстонцев характерно, что они пытались, по возможности, расширить свой земельный участок, расчищая целину. Нередко эстонские семьи, поселившиеся на песчаном побережье Чудского озера, если позже имели возможность получить больший и лучший земельный участок, снова уходили с побережья.

Русское население западного побережья Чудского озера сформировалось на основе раннего коренного славянского населения и пришедших позднее русских переселенцев не только из ближайших восточных районов, но и из других мест Восточной Европы. Неоднородность происхождения русского населения проявляется уже в различии его говоров (даже в пределах одной деревни недавно еще можно было слышать разные говоры) и вероисповедания. Судя по этим признакам, а также по данным письменных источников и народных преданий, русское население северного побережья Чудского озера приходило главным образом из местностей, расположенных восточнее Чудского озера и реки Нарвы. Русские в этой части Причудья занимались, кроме рыбной ловли, немного сельским хозяйством и лесными промыслами. Молодежь уходила также на заработки в Петербург.

На западном побережье только в отдельных деревнях (например, дер. Нос) русское население ведет свое происхождение от пришельцев с востока, от Чудского озера. В большинстве деревень, в том числе в некоторых наиболее крупных (Варнья-Воронья, Калласте и др.), предки значительной части русского населения пришли из прежних польско-литовских владений, со среднего течения Западной Двины, т. е. с богатой озерами части Балтийской возвышенности. Это были в основном старообрядцы, которые после раздела Польши во второй половине XVIII в. ушли сначала по Двине (Даугаве) в Ригу, а оттуда расселились в разных направлениях, в том числе и в Причудье. Известно, что многие русские старообрядцы ушли в XVII в. из России, в частности из Новгородской земли, в Польшу, чтобы спастись от преследований правительства⁴². После присоединения этой территории к России часть старообрядцев ушла в Лифляндию, где они пользовались относительно большей свободой вероисповедания, чем в русских губерниях. Таким образом, очевидно, правильно распространенное мнение, что стремление уйти от религиозных преследований было одной из причин, которая привела в Причудье большую часть русских жителей. С другой стороны, несомненно также то, что предпосылкой, которая дала возможность русским поселиться именно на песчаном берегу Чудского озера, где почти отсутствовала пригодная для земледелия почва, были принесенные ими с собой трудовые навыки. Русские переселенцы были умелыми рыбаками, а также каменщиками и огородниками. Зимой они почти все ловили рыбу; летом уходили на строительные работы каменщиками в Тарту, Ригу, Петербург, Таллин, а также на прибалтийские мызы. Многие же добывали средства к существованию исключительно рыбной ловлей, причем не только на Чудском озере, но и на удаленных водоемах, включая Ладогу.

⁴² А. А. Заварина, Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во второй половине XIX и начале XX века, Автореферат диссертации, М., 1955. Ср. также: «Россия», т. III, стр. 126.

Русские были настолько искусны во всех этих занятиях, что эстонцы — обитатели прибрежных деревень перенимали у них их производственные навыки и инвентарь. Часто эстонцы усваивали также русский тип построек и русский образ жизни, и в конце концов растворялись среди русских. В тех прибрежных деревнях, где было сколько-нибудь пахотной земли и где рыбная ловля сочеталась с земледелием (например, Омеду, эстонская Касепа), эстонцы чаще сохраняли свой язык и этнографические особенности.

С прежней территории Польши (по-видимому, из современной северо-восточной Литвы) некоторые крестьянские семьи пришли также в расположенные севернее Чудского озера лесистые и болотистые окрестности Ийсаку (например, дер. Порсково). Сюда проникали во второй половине прошлого века также и эстонцы. О многих поселившихся здесь эстонских семьях известно, что они пришли из соседних лесистых местностей (Авинурме, Туду и Симуна), т. е. и прежде жили в сходных географических условиях. О других семьях предания говорят (это подтверждается также некоторыми документальными данными), что их предки искали здесь, в больших лесах, убежища от рекрутчины и эксплуатации помещиков.

Причудье, как мы видели, отличается от центральных, преимущественно сельскохозяйственных, районов Эстонии. Ход заселения этой территории и формирования этнического состава ее населения показывает, что направление движения переселенцев в значительной степени определялось особенностями производственных навыков и опыта, выработавшихся у них в течение поколений на их исходной территории.

Как уже было отмечено, разное происхождение населения эстонского Причудья отразилось в пестроте говоров местного русского и эстонского языков, а также элементов материальной и духовной народной культуры. Изучение русских говоров Причудья только еще начато (основные особенности местного эстонского языка отображены на схематической карте, рис. 7). Смешанное население, жившее на север от Чудского озера в окрестностях Ийсаку, занимавшееся сельским хозяйством и наряду с этим лесными промыслами, в настоящее время эстонизировалось (особенно это сказалось в постройках и быту). Однако в отличие от основных эстонских сельскохозяйственных районов, здесь действовал обычай делить хозяйство среди наследников, вследствие чего земельные участки были невелики. В местном эстонском говоре, отдельных орудиях труда в одежде и обычаях сохранились заметные русские в водьско-ижорские элементы, свидетельствующие о разных этнических компонентах этого населения⁴³.

В центральной части западного побережья Чудского озера, в большей, северной, части Кодавереского кихельконда (прихода) население говорит на особом диалекте (так называемом кодавереском, или восточном) эстонского языка, который характеризуется значительным количеством водьских черт. Как мы видели выше, во второй половине I тысячелетия с восточного берега Чудского озера в лесную, западную, часть позднейшего Кодавереского кихельконда, особенно на берег р. Кяапа, проникли водьские элементы (в меньшем количестве они могли проникать сюда и позже). Эти древние водьские поселенцы, очевидно, придали водьскую окраску языку населения большей части названного кихельконда. В конце XVIII в. известный прибалтийский публицист А. В. Хупель отмечал в одежде и быту кодавереского населения ряд черт водьского происхождения.

⁴³ А. Х. Моора, Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII М., 1954, стр. 138 сл.

Обзор формирования хозяйства населения Прибалтики и его ближайших соседей в течение более двух тысячелетий показывает, что прослеживаемые в Прибалтике историко-культурные подобласти уже с древних времен имели некоторые особенности хозяйства. Конечно, образование этих историко-культурных подобластей и их подразделений обуславливали и иные причины — более или менее благоприятные условия сообщения, различные общественные и политические условия, старые традиции, заимствования у соседей и т. д.

Как явствует из предшествующего, мы склонны выделять культурно-исторические подобласти и районы Прибалтики, основываясь в первую очередь на особенностях хозяйственной жизни, от которых, по нашему мнению, зависят в той или иной степени особенности быта и всех элементов культуры. Исходя из этого, мы предлагаем выделить в качестве одной подобласти прибрежную полосу, которая охватывала эстонские острова, северо-западную часть эстонского материка (постепенно переходя в восточном направлении в другую, центральную подобласть) и побережье Курземе, особенно его северо-западную часть. Об особенностях быта населения этой прибрежной полосы мы говорили уже вначале. В другую, центральную, подобласть входили западная Литва, западная и центральная Латвия и большая часть материковой Эстонии. Это был, как мы пытались показать, по преимуществу сельскохозяйственный район с соответствующими бытом и культурой. Третья подобласть включала эстонское Причудье, юго-восточную Эстонию, в особенности Сетумаа, Латгалию и восточную Литву. Эта подобласть была по своему характеру промежуточной, или переходной, полосой между Прибалтикой и областями, примыкающими к ней с востока. Все три подобласти (которые вследствие их протяженности можно назвать и поясами) делились, в свою очередь, на более мелкие подразделения. Во всех трех названных подобластях Прибалтики земледелие в течение двух последних тысячелетий занимало важное место. Правда, в центральной подобласти, представлявшей, можно сказать, основное ядро Прибалтики, оно сильно преобладало над другими отраслями занятий. Эстония была в Восточной Европе, а может быть и во всем мире, самой северной аграрной страной.

Выдвижение на первый план сельского хозяйства было, очевидно, одним из условий того, что здесь сравнительно рано, уже в начале II тысячелетия, распалась сельская община — прекратились периодические переделы земли и установилось частное подворное землепользование. Также, видимо, преобладающее значение этой отрасли хозяйства было одной из причин, по которой землю обычно передавали одному наследнику и не дробили ее до бесконечности. Ввиду того что земля здесь была самым важным, преобладающим источником существования семьи, участок при сравнительно низкой плодородности почвы не мог быть меньше известного минимума, который давал возможность как-то прожить семье. Слишком маленький размер участка земли означал не только жалкие условия существования, но и неизбежную зависимость его владельца от более зажиточного соседа. Как известно, позже местные феодалы-помещики со своей стороны также препятствовали дроблению крестьянских земель, чтобы в своих интересах сохранить платежеспособность крестьянского хозяйства. Но традиция такого порядка наследования возникла явно ранее. В соседних русских областях, где различные подсобные заработки давали большую часть дохода, чем в Прибалтике, надел земли, которым пользовалось часто несколько семей, был в среднем значительно меньше. В эстонском Причудье, в Латгалии, в восточной Литве землю дробили между наследниками в общем так же, как и у соседних русских, однако отдельные участки в этой переходной зоне в среднем не были так малы, как в чисто русских областях.

В качестве примера того, как хозяйство, типичное для центральной полосы Прибалтики, вместе с другими причинами, влияло на материальную культуру, приведем характерный для Эстонии и северной Латвии тип крестьянского жилища, так называемую жилую ригу. Такой же тип жилища, по-видимому, встречался на Ижорском плато у воды, занимавшей в основном земледелием. При рассмотрении назначения этого своеобразного жилого и хозяйственного комплекса становится ясно, что возникновение его вызвали в первую очередь потребности сельского хозяйства, имеющего притом полеводческий уклон. Жилая рига сложилась, очевидно, в начале II тысячелетия, когда, с появлением озимой ржи, земледелие как в Прибалтике, так и в соседних областях переживало известный подъем. Видимо, тогда древнее однокамерное срубное жилище с простой печью-каменкой и открытым очагом перед ней осенью служило также снопосушильной; в связи с этим его крышу с одного конца удлиняли в виде навеса, под который убирали сжатый хлеб и где его после сушки молотили. Конструкция некоторых старых риг и жилых риг показывает, что навес первоначально опирался на столбы, затем его стали обносить стенами, и он превратился в отдельное помещение, которое получало и другое назначение, в частности — зимнего стойла для скота. К другому концу жилой риги несколько позже стали пристраивать камеру, которая не отапливалась и потому служила жильем преимущественно в теплое время года.

Соединение риги с жилищем в каждом хозяйстве относится, очевидно, к тому времени, когда пахотная земля перешла во владение отдельных хозяйств, вследствие чего каждая семья убирала и молотила хлеб самостоятельно. У русских Псковщины, где сохранялось общинное землепользование и где в результате дробления наделов количество обмолачиваемого хлеба было меньше, риги были общими на несколько семей.

Кроме того, надо учитывать местный климат, который характеризуется в Прибалтике (особенно — в Эстонии) тем, что период наибольших осадков обычно падает на позднее лето, т. е. на период уборки хлеба. Это ежегодно требует сушки зерна.

Далее необходимо обратить внимание на обстоятельство, о котором в наши дни многие уже не помнят, а именно на то, что до середины прошлого века как в Прибалтике, так и у соседних народов жизнь и занятия делились в году на два, резко отличающихся друг от друга сезона: теплый и холодный. На летнее время за незапамятных времен большая часть семьи переселялась из курного жилища в камору, клеть, на чердак; пищу готовили в летней кухне, а не в жилом доме, скот также выводили с гумна. Курное жилище в период молотбы хлеба было практически свободно, и не было существенных препятствий, чтобы использовать его как снопосушильную. Когда наступало холодное, зимнее время, хлеб был уже обмолочен и тогда семья — не только в Прибалтике, но и у соседей, у которых бытовало жилище другого типа, — переселялась снова в отапливаемое помещение.

Отдельная, специальная рига, которую для сушки использовали только короткое время, не была тогда необходима. В наших северных, суровых условиях человек должен был в борьбе за существование соблюдать экономию рабочей силы и материалов; поэтому соединение риги и жилища было естественным и практичным. Нет никаких оснований искать причину возникновения жилой риги в обеднении крестьян при крепостничестве, как полагали некоторые авторы⁴⁴. Прибалтийская

⁴⁴ I. Manninen, Die Sachkultur Estlands, II, Tartu, 1933, стр. 186; P. Kupžičis, Dzivojamā rija Latvijā, Rīgā, 1934, стр. 475 сл. Вопросы возникновения жилой риги, ее развития в прошлом веке и начале нынешнего рассматривает Н. В. Шлыгин в своей работе «Эстонское крестьянское жилище в XIX — начале XX в.», «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии, т. XXXII, М., 1956, стр. 48 сл.

жилая рига возникла уже до этого тяжелого времени; первое упоминание о ней в источниках относится к 1330-м годам.

Наконец, надо отметить еще одно условие образования этого сложного комплекса, а именно достаточное развитие строительной техники. При примитивной технике было проще ставить отдельные маленькие постройки разного назначения, чем возводить сложную постройку. Поэтому формирование жилой риги требовало длительного развития, в том числе и известного развития строительной техники⁴⁵.

Было бы полезно сравнить прибалтийскую жилую ригу с комплексом русского жилища в Прибалтике и выяснить причины, приведшие к его возникновению. Наш материал не позволяет, однако, сделать этого в полном объеме; поэтому ограничимся здесь только некоторыми отдельными замечаниями. Русское крестьянское жилище известно в восточной, пограничной, полосе Прибалтики и на соседней русской территории, как двухкамерное (изба + сени), так и трехкамерное (изба + сени + клеть или изба). К двухкамерному жилищу примыкает крытый одноярусный двор (однорядная связь). При трехкамерном жилище встречается как двухрядная, так и покоеобразная застройка усадьбы. На Псковщине и у юго-восточной группы эстонцев — сету в крупных хозяйствах встречалась трехрядная застройка. При всех этих формах связи ригу строили, как уже отмечалось, одну на несколько хозяйств, вынося ее на край деревни. На известном расстоянии от других построек, на более низком месте, у воды, ставили баню, также нередко одну на несколько дворов. В Петербургской и Псковской губерниях на усадьбах с однорядной и двухрядной связью амбар для хлеба помещали в огороде, позади двора.

Сравнивая русскую крестьянскую усадьбу (даже с двухрядной связью, не говоря об однорядной) с комплексом жилой риги и ее надворных построек, нетрудно заметить, что первая приспособлена к потребностям хозяйства, в котором как земли, так и скота было в среднем меньше, чем в прибалтийском крестьянском хозяйстве. Как мы уже отмечали, в русской усадьбе до второй половины прошлого века, а иногда и позже, размещалась большая семья, которую составляли родители вместе со взрослыми сыновьями или несколько братьев со своими семьями. С развитием капитализма большая семья начала быстро распадаться на малые. Вытеснение в новое время двурядной связи маленькими однорядным комплексом было обусловлено рядом причин: дроблением наделов, расслоением крестьянства, ростом отходничества и других подсобных заработков в русской деревне⁴⁶. Многие эстонские крестьяне на побережье Чудского озера, имевшие лишь маленький земельный участок и занимавшиеся рыбной ловлей и торговлей вразнос, переняли русский тип жилища, преимущественно с однорядной связью, объясняя это тем, что подобное расположение построек для них более удобно и практично: за скотом можно ухаживать не выходя на улицу, все в хозяйстве под рукой и укрыто. Как уже отмечалось, русский тип жилища

⁴⁵ Небезынтересно, кстати, сопоставить жилую ригу, возникшую в условиях хозяйства с земледельческим направлением, с фризским домом, связанным с хозяйством скотоводческого направления. Последний уже на рубеже нашей эры представлял собой постройку удлиненной формы, в одном конце которой располагались жилые помещения с очагом, тогда как другую, большую часть дома занимал хлев со многими, расположенными в два ряда стойлами. Несмотря на то, что к концу прошлого века, т. е. почти за два тысячелетия развития, этот комплекс стал более сложным, его основную часть по-прежнему составлял хлев с жилыми помещениями в одном конце. M. W. Haarnagel, Die Ergebniss der Grabung auf der Wurt Feddersen Wierde bei Bremerhaven in den J. von 1955—1957, Сб. «Neue Ausgrabungen in Deutschland», Berlin, 1958, стр. 215 сл. и рис. 2, 3; Н. Н. Гроздова, Н. М. Листова, Л. В. Поровская, К вопросу о типах крестьянского жилища Германии, Франции и Нидерландов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», ХХІХ, 1958, стр. 104 и рис. 2.

⁴⁶ Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, стр. 166.

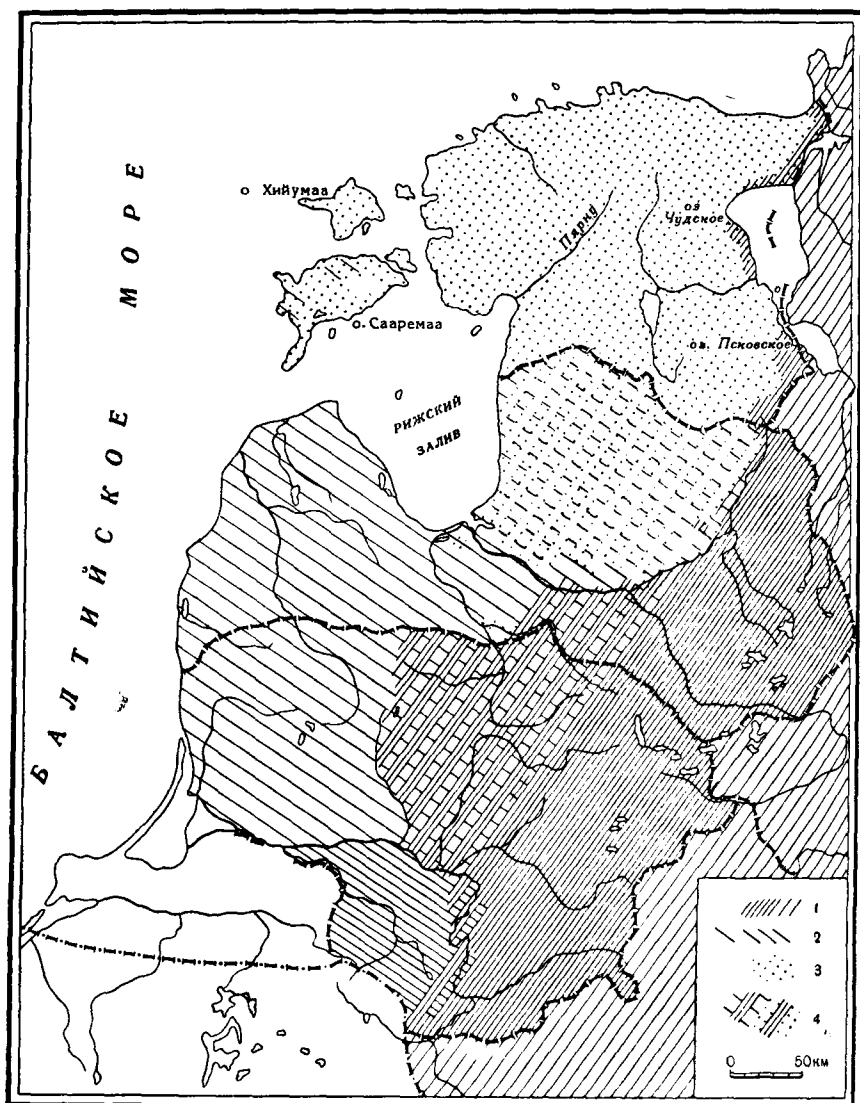

Рис. 9. Схематическая карта распространения основных типов крестьянского жилища в Прибалтике во второй половине XIX в.; 1 — изба с духовой печью русского типа; 2 — западнолитовский и западнолатвийский тип (намас, троба, истаба) и его занеманский вариант (стуба); 3 — жилая рига; 4 — смешанные типы (данные по Литве — по В. К. Милюсу, по Латвии — по А. К. Крастыня)

и усадьбы получил распространение также у юго-восточной группы эстонцев — сету, в Латгалии, в восточной и даже центральной Литве (рис. 9)⁴⁷, потому что и там преобладали мелкое хозяйство, часто связанное с приработками, и соответственные семейные отношения.

В южной части центральной, сельскохозяйственной полосы Прибалтики, в западной Литве и юго-западной Латвии был распространен особый тип жилища. Нужно, однако, отметить, что в Литве, как и в соседних частях Латвии, социально-экономическое развитие населения уже в древности шло быстрее, чем на севере Прибалтики. Социальные и семейные отношения в литовской деревне были и позже своеобразны

⁴⁷ См.: Л. Н. Терентьева, Основные итоги изучения жилища народов Прибалтики, Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I, М., 1959, стр. 347 сл.

ми. Особенно в Жемайтии сохранилась на протяжении всей эпохи феодализма значительная прослойка лично свободных, относительно самостоятельных крестьян, которые в остальной Прибалтике представляли лишь исключение. В связи со всем этим и крестьянские постройки были более сложными. Основные черты истории литовского жилища, с учетом экономических и социальных условий его сложения, обрисовал К. К. Чербуленас; в некоторых деталях его выводы дополнили и другие исследователи⁴⁸. Можно выделить в Литве два различных типа жилища и комплекса хозяйственных построек — западный и восточный. В средневековье в западной Литве обычным крестьянским жилищем был так называемый намас, которому предшествовало простое однокамерное жилище с очагом. Намас возник примерно на рубеже I и II тысячелетий, т. е. в период известного подъема в развитии сельского хозяйства. Он представлял собой удлиненную в плане бревенчатую постройку, в одной половине которой помещалось жилище с очагом, а в другой — скот. Над очагом для защиты от искр был построен колпак. По одну сторону намаса был «чистый» двор, по другую — скотный двор. Ригу и другие хозяйственные постройки ставили на усадьбе отдельно. В бедняцких хозяйствах намас был меньше и использовался разнообразнее, так как надворных построек было мало. Намас встречался, очевидно, местами и в восточной Литве. Примерно одновременно с намасом на западе Литвы стал складываться и другой, более сложный, тип жилища, так называемая троба, характерная главным образом для зажиточных семей. Отличительной чертой тробы было наличие особого помещения с каменными стенами, сходящимися в свод, и широкий дымоход над открытым очагом для приготовления пищи. Жилые помещения располагались либо симметрично, либо асимметрично по обе стороны от этой камеры. В особенно богатых хозяйствах их было иногда больше десятка. В камеру с очагом выходили устьем все печи без дымохода, отапливающие жилые помещения, так что дым не попадал в последние. К XV—XVIII вв. троба в основном вытеснила намас как жилую постройку, и в богатых усадьбах его стали использовать только как хлев. В Занеманье (на запад от Немана) господствовал тип жилища, который можно считать вариантом тробы — стуба, но с некоторыми чертами, общими с восточнолитовскими и прусскими жилыми постройками.

На востоке Литвы и местами в центральной ее части преобладало жилище другого типа — пиркя, сходное с русским жилищем и развивавшееся в тесной связи с ним (см. рис. 9). Его развитие, по мнению К. К. Чербуленаса, шло от однокамерной срубной постройки с печью-каменкой. Эта постройка, которая в древности служила и жильем, и снопосушительней, и баней, на рубеже I и II тысячелетий стала только жильем, а ригу и баню начали возводить как отдельные постройки. Литовское жилище — с печью русского типа и сенями — приобрело в основном тот же план, что и русское двухкамерное жилище. В более крупных и зажиточных хозяйствах восточной Литвы жилой дом состоял (как и у русских) из двух изб, соединенных сенями.

Как правильно отмечает Чербуленас, возникновение всех этих типов жилища литовцев объясняется особенностями в экономических и социальных условиях жизни литовского крестьянства. В западной Литве — Жемайтии — и в соседних частях Латвии очень рано распалась сельская община и земля перешла в подворное владение. Земельные участки были здесь в среднем крупнее, чем на востоке. В восточной Литве, как

⁴⁸ К. К. Чербуленас, Развитие литовского народного жилища (с древнейших времен до конца XIX века), Автореферат диссертации, Вильнюс, 1958; его же, Намас («нумас») — первоначальный тип литовской жилой постройки, Сб. «Iš Lietuvos Kultūros Istorijos», I, Vilnius, 1958, стр. 104 сл. (на лит. яз. с резюме на русском); В. Жиленас, Сформирование литовского народного жилого дома, там же, стр. 146 сл.; И. Буткявичюс, Основные типы традиционного литовского крестьянского жилища, Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 396 сл.

и в восточной Латвии и соседней Белоруссии, господствовало мелкое крестьянское хозяйство и там также одним участком нередко пользовалась большая семья.

Одним из условий сложения типа западнолитовского и юго-западного латышского жилища был очевидно также климат, в известной мере приближающийся к центральноевропейскому. В условиях более континентального климата с длинной и суровой зимой в восточной Литве жилой дом снабжали не открытым очагом, а печью-каменкой. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что курляндский тип жилища, в центре которого находилась камера с открытым очагом, в некоторой мере распространяется и в Эстонии, на острове Сааремаа.

Как мы видели, в северной части Латвии — Видземе довольно обычной была жилая рига⁴⁹. Надо отметить, что к тому времени, к которому можно отнести распространение здесь жилой риги (начало II тысячелетия), на всей этой территории, исключая узкую прибрежную полосу расселения ливов и некоторые северо-восточные районы, жили уже латыши. Поэтому ригу можно лишь условно рассматривать как чисто эстонский тип жилища. Ригу можно считать примером явления, которое существует у двух соседних народов, близких по хозяйственным и культурным особенностям, но резко различных по языку.

Наряду с жилой ригой в Видземе начиная с конца XVIII в. (а возможно, и ранее) появляется другое жилище (латышская истаба), характерное для западной Литвы и юго-западной Латвии — жилище с камерой (ровис), в которой находился очаг для приготовления пищи и куда выходили устьями печи жилых помещений. Распространение двух разных типов жилища характеризует северную Латвию как переходную зону между севером и югом центральной полосы Прибалтики.

Таким образом, жилище и относящиеся к нему надворные постройки представляли в сумме сложный комплекс, который образовывался под воздействием особенностей хозяйственной жизни, социальных отношений и географических условий. Влияние соседей в отношении жилища, как и других элементов материальной культуры, воспринималось только там и постольку, где и поскольку социально-экономические условия создавали для этого сходные предпосылки. Сложившиеся в течение веков традиции (в том числе и этнические традиции) также определялись в конечном счете этими условиями.

Исторически сложившиеся особенности структуры хозяйства, своеобразное переплетение его отдельных отраслей сыграли свою роль в образовании локальных отличий также и в других элементах культуры — одежде, орудиях труда, средствах транспорта, пище и т. д.

Развитие духовной культуры — фольклора, верований, обычаев — имеет свою специфику. Детальная разработка этого вопроса — задача фольклористов. Х. Т. Тампере показал, что особое развитие некоторых жанров фольклора, как и известных обычаев, наблюдается преимущественно в эстонских исконно сельскохозяйственных районах⁵⁰. На составленной им карте (рис. 10) видно, что развитые жнивные песни были сосредоточены в основном в центральной, сельскохозяйственной части Эстонии, а на островах и в западной Эстонии они сохранились в форме речитативов или примитивных запевов.

В северной и северо-западной Эстонии хозяйство имело главным образом зерновое направление; на юге Эстонии, как и в Латвии, селяли

⁴⁹ А. К. Крастыня, Крестьянские жилища в Видземе в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма, Рига, 1959 (на латышском яз. с резюме на русском); ее же, Жилища латышских крестьян в Видземе в первой половине XIX в., Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 387 сл.

⁵⁰ Х. Т. Тампере, Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 298 сл.

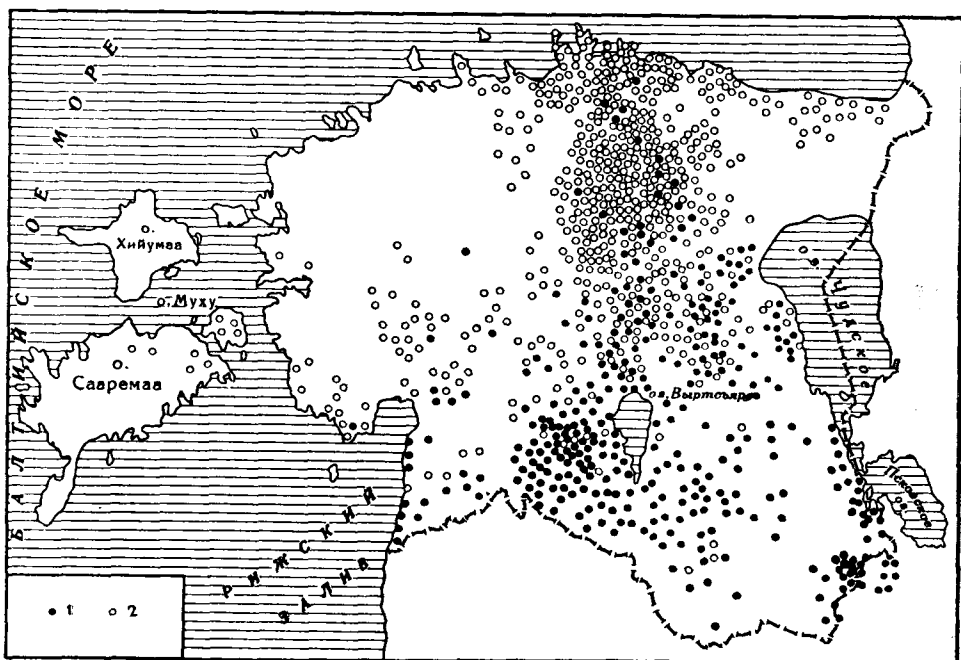

Рис. 10. Распространение эстонских живных песен: 1 — южноэстонские, 2 — североэстонские типы (по Х. Т. Тампере)

относительно больше льна, а в скотоводстве наблюдался некоторый уклон в сторону молочного хозяйства⁵¹. Возможно, что в связи с этим в обрядах празднования Иванова дня и в соответствующих песнях южной Эстонии больше проявлялось заботы о скоте, чем на севере. В североэстонских песнях Ивановой ночи мысли направлены больше на то, чтобы удавались хлеба:

Кто не идет к Иванову костру,
У того в ячмене чертополох,
Полевица в овсе.

В южной же Эстонии в первую очередь речь идет об успехах в животноводстве:

Зачем же ждут Иванова дня, Чтобы волы не были бессильные,
Варят Иваново пиво? Не был тощим молочный скот.

Некоторые черты быта, характерные для южных эстонцев, были общими с латышами. Так, в северной Латвии, отличающейся холмистым рельефом, так же как и на юге Эстонии господствовал, как известно, раброшенный тип поселения. В североэстонской деревне, где дворы были расположены близко друг к другу, для большого общего стада держали наемного старшего пастуха, а на юге Эстонии, как и в Латвии, скот с каждого двора выпасали отдельно и стерегли его обычно дети и подростки. В связи с этим Х. Т. Тампере ставит развитие на юге Эстонии и в Латвии своеобразных пастушеских песен, в словах и мелодиях которых он находит по обе стороны языковой эсто-латышской границы много общего⁵².

⁵¹ [А. Нусск], Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnisse in Esth-, Liv- und Curland, Leipzig, 1845, стр. 90, 91. На юге, в латышской части Лифляндии, уход за скотом был лучше, поэтому там и получали больше молока.

⁵² Доклад, прочитанный Х. Т. Тампере на Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики в Вильнюсе (1955 г.). Оттуда же взяты приведенные выше образцы эстонских народных песен. См. также: Х. Т. Тампере, Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества, рис. 90 (распространение пастушеских песен-перекличек).

Проследив на протяжении длительного времени процесс формирования историко-культурных подобластей и районов Прибалтики, мы приходим к заключению, что они складывались не только на основании таких элементов культуры, как одежда, жилище, пища и т. д., но и на основе обуславливающих характер этих элементов особенностей хозяйственной деятельности людей.

Отдельные отрасли хозяйства, или занятия, и элементы культуры имели обычно более широкое распространение, чем территория, охватываемая определенной культурной областью или подобластью. Поэтому нельзя признать правильными попытки определить историко-культурные области на основании наличия лишь отдельных элементов культуры и отраслей хозяйства, рассматриваемых отдельно, в отрыве от других⁵³. Образование известной культурной области было обусловлено не только наличием или отсутствием в ее пределах определенных элементов культуры и отраслей хозяйства или их простой суммой, но также в большей мере особым исторически сложившимся сочетанием всех этих явлений и соотношением между ними, своеобразным для каждой области и подобласти. Нельзя забывать и того, что историко-культурные области и их подразделения являются, как следует уже из термина, историческими категориями, и что, следовательно, для более полного понимания их специфики необходимо всегда проследивать развитие этих особенностей в течение возможно более длительного периода времени.

Приведенные выше материалы показывают, что в пределах каждой территории, отличающейся своим особым характером экономики и культуры, особенно интенсивно шли процессы обмена трудовыми навыками и взаимное общение населения.

Ни в одной из трех историко-культурных подобластей Прибалтики насколько мы можем проследить их историю, население никогда не говорило на общем языке, другими словами, — ни одна из них не представляла этнической общности. Лишь более мелкие подразделения, или районы, в пределах которых господствовало более полное единство хозяйственной жизни, культуры и быта, были уже издавна одновременно территориями распространения особых языков или диалектов. Особенно ярко это было, видимо, выражено в первые века нашей эры, когда у народов Прибалтики еще господствовал первобытно-общинный строй и когда из разнородных обитавших здесь в предыдущие периоды этнических элементов успели консолидироваться известные нам по древнейшим письменным источникам эстско-ливские и литовско-латышские племена.

На рис. 2 схематически представлены археологические культуры, или культурные районы, отмечаемые в Прибалтике в первой половине I тысячелетия н. э.⁵⁴ Культура центральной полосы позволяет выделить уже для того времени особую, наиболее характерную для Прибалтики подобласть. Племена этой полосы занимались преимущественно земледелием

⁵³ Поэтому и сделанную ранее одним из авторов настоящей статьи попытку определить на основании распространения немногих элементов границы историко-культурных областей Эстонии следует рассматривать в настоящее время лишь как подготовительную работу для выяснения данного вопроса (См.: А. Х. Моора, Об историко-этнографических областях Эстонии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 242 сл.).

⁵⁴ Подробное см.: Р. Яблонските-Римантене, О древнейших культурных областях на территории Литвы, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 6 сл.; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 107 сл.; М. Х. Шмидехельм, О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э., там же, стр. 172 сл.; А. К. Вассар, К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии, там же, стр. 187 сл.

нем и животноводством и были тесно связаны друг с другом. Большое количество общих типов украшений свидетельствует о наличии у этих племен более или менее сходного типа одежды. В то же время материальная культура этих племен, а отчасти и их духовная культура, имела многие особенности, совокупность которых позволяет выделить здесь ряд районов (см. рис. 2). На основании имеющихся в нашем распоряжении археологических и других материалов можно сделать заключение, что уже в рассматриваемый период в структуре экономики населения разных районов существовали некоторые местные особенности. Археологический материал не оставляет сомнения в том, что формирование культуры в этих районах было обусловлено и рядом других причин — культурными традициями, связями с соседями и пр. Центральная культурная подобласть Прибалтики делилась на две основные части — северную, которую населяли эсто-ливские племена, и южную, в которой обитали балтийские племена; это было, видимо, обусловлено тем, что эти группы племен консолидировались уже в I тысячелетии до н. э. В возникновении на обеих упомянутых территориях подразделений, отличающихся особыми типами могильников и погребальными обрядами, следует усматривать в значительной мере влияние сложившихся по-разному традиций. Если мы находим у балтийских племен восточной и западной части данной подобласти до некоторой степени отличные орудия труда (например, на востоке — серпы и массивные проушные топоры, на западе же — косы, мотыги и втульчатые топоры), то в этом сказываются, очевидно, известные отличия в структуре хозяйства. Если, далее, у западных летто-литовских племен часто встречаем разные типы фибул для скрепления одежды, которые отсутствуют на востоке, то это может быть результатом более тесной связи летто-литовских племен с соседними прусскими племенами.

Указанные культурные районы весьма устойчиво сохранялись в дальнейшем. Правда, факторы, определявшие развитие хозяйственных и культурных общностей, не оставались на протяжении веков одинаковыми. Со временем границы многих культурных территорий перемещались или стирались, но в основном специфика районов, отмеченных для начала I тысячелетия н. э., прослеживается не только в начале II тысячелетия, но даже и в местных этнографических материалах, относящихся к XIX в. Из этого следует, что основой для выделения историко-культурных районов является культурная общность древних местных племен, восходящая к эпохе первобытно-общинного строя, так же как и диалекты народов Прибалтики.

Представление об образовании подразделений историко-культурной области Прибалтики, которое мы здесь попытались дать, является, конечно, лишь первоначальным и весьма общим.

В заключение следует подчеркнуть, что комплексная работа, которую ведут участники Прибалтийской экспедиции — археологи, этнографы, антропологи, лингвисты, фольклористы и другие, — обещает дать результаты, представляющие не только местный, но и более широкий, общетеоретический интерес. Работа эта безусловно требует продолжения и дальнейшего развития.